

Убежище 3/9

Автор:

[Анна Старобинец](#)

Убежище 3/9

Анна Альфредовна Старобинец

Лучший фантаст Европы

Фотокорреспондентка Маша во время парижской командировки вдруг с недоумением замечает, что от нее шарахаются окружающие. То, что начинается как классический «обмен телами», трансформируется в жуткую и затягивающую многоуровневую фантазмагорию. Будничная жизнь внезапно оборачивается страшной сказкой. Любое действие, произведенное в привычной реальности, зловещим эхом отзывается в сказочном отражении. А вскоре и конец света становится по-настоящему близок и страшен. Жанровый эксперимент, на который пошла Анна Старобинец, не имеет аналогов в русской литературе!

Содержит нецензурную брань.

Анна Старобинец

Убежище 3/9

Живая живулечка,

Сидит на живом стулечке,

Живое мяско теребит.

Русская народная загадка

Великая империя вскоре будет перенесена

В маленькое место, которое очень скоро увеличится,

Место весьма ничтожного, незначительного графства,

В середине которого Он водрузит свой скипетр.

Предсказание Нострадамуса

Издательство выражает благодарность литературному агентству «Banke, Goumen & Smirnova» за содействие в приобретении прав

© А. Старобинец, 2021

© Д. Филатов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Часть первая

I. Детеныш

Главный фокус Ковра-Самолета заключался в том, что в какой-то момент он переворачивался кверху дном и на несколько секунд застывал в таком положении. И люди висели вниз головой, причем, что странно, – очень мало кто визжал. В основном все молчали, вцепившись в ремни. Так и висели – напряженные, краснолицые, с выпученными или зажмуренными глазами. На огороженный прямоугольник асфальта, черневший внизу, громко позвякивая,

сыпалась мелочь из их карманов.

Этот момент нравился Мальчику больше всего. Это был момент – ну вечности, что ли.

Потом гигантские шестеренки Ковра-Самолета снова приходили в движение, и нелепо разукрашенная машина, скрежеща, неохотно возвращала людей в естественное положение...

II. Путешествие

Я смотрела сверху и немного сбоку. Луна была яркой – достаточно яркой для того, чтобы я могла различать все предметы. Внимательно присмотревшись, я поняла, что лежало там, на тропинке. Маленькие белые камушки. Даже, скорее, не белые, а перламутровые. Они блестели в лунном свете. Было очень тихо.

Немного погодя послышался легкий хруст. Кто-то медленно шел по тропинке, приближаясь ко мне. Я не видела кто. Как загипнотизированная, я смотрела на камушки и пыталась убедить себя, что бояться нечего. Вряд ли это был кто-то большой или агрессивный: слишком тихо и неуверенно звучали шаги. Я смотрела на камушки и думала, что нет смысла бежать.

Особенно если я не могу убежать.

Потом шаги стихли.

В воздухе послышался какой-то странный шорох. Прямо у меня над головой. Я зажмурилась, стараясь не думать о звуках и ничего не чувствовать. Не чувствовать, как ночной ветер остужает и делает ледяными капельки пота, проступившие у меня между лопаток. Как они скатываются по спине маленькими градинами, оставляя за собой влажный холодный след...

Потом шорох прекратился – вернее, переместился вниз, на тропинку, и превратился в сдержанное клочкотание.

Чуть помедлив, я открыла глаза. Камушков больше не было. На тропинке неуклюже копошились воробьи и голуби. Утробно курлыкая, они клевали что-то – кажется, хлебные крошки – и время от времени вяло дрались.

На меня птицы не обращали никакого внимания и, в общем-то, вели себя довольно обычно. Как всегда ведут себя голуби и воробьи, когда какая-нибудь сердобольная старушка бросает им хлеб. Только вот никакой старушки на этот раз я не видела. Кроме того, была ночь. А ночью голуби спят. И воробьи тоже.

Наблюдая за птицами, я пыталась понять, кто же накидал им столько хлеба. Если не старушка. Если кроме меня там никого не было. Если – какая поразительная, готовая вот-вот оформиться мысль – даже меня там, наверное, не...

Мой самый бессмысленный, самый тоскливый ночной кошмар снова прервался как раз в тот момент, когда я уже почти поняла что-то очень важное и окончательное.

Я проснулась в тесном гостиничном номере тесной чужой страны, быстро и неприятно – как будто меня смачно выплюнули из сна и я ударилась о кровать. Еще какое-то время я лежала неподвижно, с закрытыми глазами. Надеюсь, что, если ничем себя не обнаружу, возможно, мне удастся как-то обмануть недружелюбную предрассветную действительность и снова вернуться туда, на тропинку.

Минут через двадцать я окончательно поняла, что больше уже не засну, и слегка пошевелилась, отлепляя плечи и спину от влажной гостиничной простыни. В парнике синтетического постельного белья было жарко и холодно одновременно. Я открыла глаза. Потянулась за мобильным и посмотрела на время: полшестого утра. Сумасшествие. Впрочем, в Москве – уже полвосьмого. Эта мысль меня почему-то утешила.

Я встала, нашла пульт и включила маленький телевизор, пристегнутый ремнями к сложному цилиндрическому приспособлению под потолком. На экране за плотной вуалью помех едва вырисовывались женские и мужские лица. ...Jamais... Personne... Rien... Кто-то объяснял кому-то что-то по-французски, временами срываясь на крик. Я не понимала французский, но тишина в этом зашторенном душном номере размером с сортир была бы еще хуже. Дополнительные голоса

создавали иллюзию «расширения пространства». Да ладно, чего уж... Я просто не могла выносить тишину. Не только там – дома тоже.

Я быстро надела майку и джинсы. Стянула с кровати белье и, скатав его в большой бело-розовый ком, закинула на кресло. Потом взялась за край кровати, приподняла ее и поставила вертикально, прислонив к стене.

Когда я въехала в этот номер, то подумала, что в таких же, наверное, французские шлюхи принимают клиентов. Но когда портье научил меня трюку с кроватью, поняла, что от этого номера шлюха бы отказалась.

Моя комната была устроена таким образом, что ходить по ней, а главное, открывать двери – и входную, и ведущую в ванную – можно было только в случае, если кровать стояла у стены. В своей более традиционной позиции – на четырех ножках, в центре комнаты – она блокировала все входы и выходы.

Девушку Олю Маркелову, оформлявшую мне в Москве эту командировку, я очень просила забронировать нормальный номер. Нормальный. Впрочем, я не догадалась сказать ей, что ни в коем случае не стоит бронировать номер в гостинице с названием «Ideal». И с двумя звездочками.

– Брэкфаст? – без особой надежды поинтересовалась я у всклокоченного араба, клевавшего носом на ресепшене.

– Уи, брэкфаст ноу, – дружелюбно улыбнулся араб крупными белыми зубами, подмигнул мне и снова закрыл глаза. – Пардон, мадаммэ, – бормотнул уже, кажется, во сне.

Я громко поставила перед ним большую деревянную грушу-брелок с номером одиннадцать, толкнула тяжелую прозрачную дверь и вышла на улицу. Тоскливо брякнул подвешенный к двери колокольчик.

У меня никогда не было привычки гулять в шесть утра, но сидеть в номере, в котором не помещается кровать, тоже как-то не хотелось. Клаустрофобия.

Быстрым шагом я прошла пару кварталов по улице Эмиля Золя и наугад свернула направо.

Потом еще раз направо. Петляя среди совершенно одинаковых, кукольных парижских двориков, я пыталась припомнить, была ли у меня когда-нибудь в жизни еще более ужасная командировка, чем эта. Международная парижская ярмарка детской литературы.

Конечно, была... Например, несколько лет назад я ездила в Кострому фотографировать школьного учителя, признанного виновным по статье 135 Уголовного кодекса «Раствление несовершеннолетних». Унылые неровности казенно-зеленых стен, высокий худой человек с тупым изумлением на лице, раздраженная судья с красными волосами и очень плохой кожей, полуседой полусонный адвокат («Прошу принять к сведению, что обвиняемый является победителем областного конкурса “Учитель года”»)... В гостинице – стада тараканов и неоттапливаемые обледеневшие «удобства» на этаже. Все это было тоскливо, нелепо, отвратительно. Казалось бы, как можно сравнивать? Здесь ведь – Париж... детские книжки с красивыми картинками... кофе, бутерброды, пресс-конференции и круглые столы... А настроение – хуже некуда.

Некуда.

* * *

Бессмысленно шатаюсь по улицам, я старалась думать про пятнадцатиградусный мороз, ожидавший меня дома. Старалась вспомнить, как это – мороз... Я приехала из Москвы в зимних ботинках, и уже второй день мучила совершенно неуместным здесь бараньим мехом свои взопревшие ноги. В Париже было очень тепло. Март – а уже настоящее лето.

Двухчасовая прогулка не доставила мне удовольствия.

Он совсем не нравился мне, этот громкий бежевый город. Нависающие над головой, всех оттенков бежевого дома – словно ряды гигантских пыльных тортов с вычурными барочными узорами из подгнившего заварного крема.

Смуглые ленивые люди, вгрызающиеся хищно в нежную плоть круассанов, наглыми смеющимися глазами разглядывающие прохожих, обжигающие свои быстрые, картаво воркующие языки неароматной черной бурдой.

Люди, которые с раннего утра облепляют маленькие серые столики уличных кафе, точно нарочно выставленные в самых замусоренных и самых узких местах тротуара – так близко от проезжей части, что до движущихся мимо машин легко можно дотянуться рукой.

Кофе, сдоба, пыль и бензин – их бесконечный маленький завтрак. Сумасшедший эйт-о'клок.

Фотографировать не хотелось.

Ближе к одиннадцати я спустилась в метро. В вагоне было очень людно, но я отыскала-таки свободное место: стоять не было сил. От недосыпа кружилась голова, кисло-горький кофейный привкус во рту вызывал тошноту. Напротив меня сидела влюбленная пара. Они держались за руки и, разомлев, неторопливо обсуждали что-то. Он – молодой улыбчивый бородач русой масти, она – неопределенного возраста пухлая негритянка с мутными собачьими глазами и прыщавым лбом. Время от времени он наклонялся и целовал ее в этот лоб.

Они тоже вызывали тошноту.

Они вышли на станции Port de Versailles, там же, где и я.

Почти шатаюсь, я выбралась из-под земли в подсвеченную солнцем уличную пыль, в дребезжащий строительный скрежет. Неожиданно сильно заболело горло.

Внутри, в павильоне, было еще хуже. Жарко и чересчур людно. Там пахло ковровым покрытием, влажной газетной бумагой и все тем же вездесущим химически-кофейным. Перекрикивая ярмарочный гул и марионеточно

жестикулируя, посетители прохаживались между книжными стеллажами, волоча за собой визжащих, орущих, жующих, сосущих детей.

Я вытащила фотоаппарат и сфотографировала пару-тройку картонных Гарри Поттеров, украшавших издательские стенды. Потом сфотографировала двух мальчиков-близнецов, идентичными веснушчатыми носами уткнувшихся в комиксы. Потом увидела давешнюю парочку из метро и сфотографировала их. Они помахали мне руками. А потом стала медленно пробираться к российским стендам, то и дело натываясь на идущих навстречу французов. Каждый раз, когда мы сталкивались, они издавали громкий отрывистый звук – как детские резиновые игрушки с дырочкой, если на них надавить. Упс. Упс. А затем поднимали на меня доверчивые глаза и тоненьким певучим голосом чирикали «пар-дон». И выжидательно смотрели на меня. Мне полагалось тоже чирикнуть «пар-дон». Или хотя бы «упс». Но я молчала. У меня болело горло и поднималась температура.

Антон стоял, опасно облокотившись на фанерную «стену» одного из российских стендов и, свесив поверх брюк нечеловеческих размеров живот, прихлебывал капучино из пластикового стаканчика. Листал какую-то большую книгу с картинками. Я с трудом доплелась до него.

– Бонжур, – улыбнулся он, лениво изучая меня маленькими опухшими глазками. – А ты очень неважно выглядишь, мон амур.

– Что-то конкретное нужно сегодня фотографировать? – спросила я и не узнала свой голос. Он был совсем охрипшим.

Нас с Антоном отправили в командировку вместе. От него требовался культурный репортаж. От меня – к этому репортажу фотоиллюстрации. То есть я была как бы при нем. А он мне не нравился. Совсем.

– Ты, кажется, простудилась, Мари. – Голос у него был громкий и надтреснуто-высокий. – В этой теплой благодатной стране. Позволь, я угощу тебя горячим кофе.

– Нет, спасибо, – я вяло отмахнулась. – Что-то конкретное нужно фотографировать?

– А нафиг? – каркнул Антон удивленно.

– Ну, для статьи...

У меня вдруг закружилась голова. Я положила фотоаппарат в сумку и присела на корточки, чтобы не упасть.

– Статьи? Какой статьи?

– Антон... – У меня не было сил даже на то, чтобы говорить раздраженно. – Я действительно не очень хорошо себя чувствую. Так что давай без этих твоих шуток-прибауток. Просто скажи, нужно ли тебе, чтобы я сфотографировала что-то... кого-то... ну, чью-то морду... или пресс-конференцию... для твоей статьи. Для статьи, которую ты напишешь про эту чертову ярмарку детской литературы.

Слишком много слов. К концу этой тирады голос у меня совсем сел.

– Маш... Маш. Ты что? Я ведь не буду писать никакую статью.

Я посмотрела на него, снизу вверх. Поднимать глаза было больно. Шевелиться было очень неприятно.

Кажется, он говорил серьезно.

– Почему? – спросила я шепотом.

– Но... мы же вчера уже говорили про это, нет? Ты разве не помнишь?

Я попыталась вспомнить. Что-то действительно... смутно шевельнулось у меня в голове.

Мы сидели в номере... в моем?... в его?... и пили... И он действительно говорил, что... Я была пьяна. Я не помню.

– Я не помню.

Антон посмотрел на меня немного испуганно. И зачем-то протянул мне свой недопитый капучино.

– Спасибо, не хочу.

Он выкинул стаканчик в урну и положил мне на плечо свою большую толстую руку с розовыми пальцами-сосисками. Я почувствовала, что меня вот-вот вырвет. Эта рука... Я вдруг поняла, что эта рука... что я откуда-то знаю, какая она на ощупь... шершавая... и как она глупо трясется... И...

– Ты совсем ничего не помнишь? Мне казалось, ты была все же не настолько пьяна, чтобы...

– Подожди, я сейчас приду. Ты, пожалуйста, подожди.

Я поднялась на ноги и насколько могла быстро побежала через весь павильон к лестнице, и на второй этаж, и в тошнотворно-цветочное благоухание уборной, и в маленькую тесную кабинку, в которой меня наконец вывернуло наизнанку, наизнанку, наизнанку этим их чертовым кофе и круассанами, и просто ничем – до рези в пустом желудке, до слез.

Потом я вернулась к нему.

– Напомни мне только, почему ты не будешь писать статью. Только это.

Он смотрел на меня своими маленькими мышинными глазами и молчал.

– Антон? Как ты объяснишь в редакции, что съездил в командировку и ничего не написал?

– Понимаешь... Маша. Ну, я просто... я просто не собираюсь возвращаться туда.

– Куда, в редакцию?

– В редакцию. И вообще в Москву. В Россию.

Антон опустил глаза, поскреб пальцем неприятное желтое пятно на брюках.

– И тебе тоже, Маш, не советую. Туда возвращаться. Там сейчас начинается плохое время... Ты же знаешь. В такой ситуации получить здесь политическое убежище – не проблема. И у меня, кстати, есть здесь неплохой проект. Сетевой. Ладно... Пойду.

Он неопределенно махнул распухшей пятерней, сунул мне в руки свою большую книжку с картинками, повернулся спиной и стал решительно протискиваться к выходу, наступая на ноги веселым резиновым французам.

Упс – пардон. Упс – пардон.

Я снова присела на корточки и раскрыла книгу.

...Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек с женой и двумя детьми: мальчика звали Гензель, а девочку Гретель. Жил дровосек впроголодь; и наступила однажды в той земле такая дороговизна, что ему не на что было купить даже кусок хлеба. Вот как-то вечером лежит он в кровати, не спит, а все с боку на бок переворачивается...

III. Путешествие

До вечера я провалялась в номере, накрывшись тремя одеялами, чтобы не знобило.

Мне снились какие-то хищные синие ромбы и квадратики, которые я должна была расположить в строгом порядке, от самых крупных к самым мелким, но мне это никак не удавалось: они все время меняли свой размер. Далекie фигурки из детства, они приползли ко мне с родительских обоев двадцатилетней давности, чтобы теперь мучить меня, увеличиваться, уменьшаться, увеличиваться, уменьшаться...

Потом снился Антон. Мы были с ним вместе на какой-то сомнительной, очень зыбкой и расползающейся по швам (по стыкам стен?) кухне. Он стоял у плиты, над кастрюлей с кипящей водой, и говорил: «Сейчас я приготовлю обед». И опускал в кипящую воду свои красные, распухшие пальцы. «Уже почти готово... Тебе понравится... Пальчики оближешь... Оближешь...»

А потом я снова была там, на тропинке. Я шла по ней в свете луны и считала белые камушки, но все время сбивалась со счета. Тогда я возвращалась в то место, откуда начала, и снова принималась считать. Но их было много, слишком много... Кажется, вся тропинка была выложена ими.

Потом позади меня раздались шаги, и я поняла, что я там не одна. Я испугалась. Усилием воли я поднялась над тропинкой и теперь смотрела сверху и немного сбоку.

Кто-то медленно шел по тропинке, приближаясь ко мне. Я не видела кто. Как загипнотизированная, я смотрела на камушки и пыталась убедить себя, что бояться нечего. Вряд ли это был кто-то большой или агрессивный: слишком тихо и неуверенно звучали шаги. Я смотрела на камушки и думала, что нет смысла бежать...

Я проснулась около восьми вечера. Подушка и простыня подо мной были совершенно мокрыми от пота.

Однако же после сна мне стало лучше. Заметно лучше. И температура, кажется, спала.

Делать было, в общем-то, нечего. То есть – нет. Не так. У меня было дело. Мне нужно было серьезно подумать об одной очень важной вещи, но страшно было начинать. Чтобы оттянуть время, я стала читать.

...и наступила однажды в той земле такая дороговизна, что ему не на что было купить даже кусок хлеба. Вот как-то вечером лежит он в кровати, не спит, а все с боку на бок переворачивается, вздыхает и наконец говорит жене:

– Что теперь будет с нами? Как нам детей прокормить, нам и самим-то есть нечего!

– А знаешь что, – отвечала жена, – заведем завтра утром детей пораньше в лес, в самую чащу...

Что-то мне в этой сказке не нравилось. Очень не нравилось. Настолько, что я не стала читать дальше.

Пришло время подумать.

* * *

Я залезла в ванну, включила душ и стала думать о том, что со мной что-то не так. С моей головой. С памятью.

Что я, видимо, очень больна.

И что это началось не вчера. Пора себе в этом признаться.

Это началось несколько лет назад. Сначала я не обращала внимания: мне казалось – это нормально. Ну, забывать какие-то мелочи, незначительные события и разговоры – нормально.

Но сейчас. Сейчас. То, чего я не могу вспомнить сейчас – так ли уж это незначительно?

Возможно, я сама виновата. Возможно, да. Ведь кое-что я действительно хотела забыть. Ведь кое-что я забыла специально.

А остальное стало забываться само. Просто стираться. Моя память – мозаика из сотен, из тысяч экранчиков-воспоминаний. Только одни светятся, а другие погасли. Маленькие черные квадраты. В них – темнота.

То, чего я не могу вспомнить сейчас – так ли уж это незначительно?

«И тебе не советую возвращаться. В Россию. Там сейчас начинается плохое время». Так он сказал, Антон.

Что я об этом помню?

Я помню, что было очень-очень много разговоров о переизбрании на очередной срок. Я не слишком много смотрела телевизор и слушала радио, но об этом говорили все. Одни утверждали, что нет подходящей замены. Что нужно закончить реформы. Ну и так далее. Другие заявляли, что если он останется на очередной срок – это уже, безусловно, будет диктатура.

Потом прошли эти самые выборы. И... вроде кого-то выбрали. Ну то есть, естественно, кого-то выбрали. Кажется, не его. Кого? Кто управляет сейчас моей страной? Я не помню. Не помню.

Зато я помню, что, когда уезжала в Париж, мои друзья прощались со мной так, словно я уезжаю навсегда. Они говорили: ты не вернешься. И что-то насчет того, что, мол, повезло... получила шенгенскую визу... политическое убежище... не упусти свой шанс... Кажется, так.

После душа я почувствовала себя еще лучше. В том, что касалось простуды. А в остальном...

Антон жил в той же гостинице, что и я – этажом ниже. Я кое-как вытерлась жестким, совершенно неспособным впитывать влагу полотенцем, оделась и пошла к нему.

Моему приходу он не слишком обрадовался. Да что там – заметно огорчился. Он стоял на пороге, рассеянно почесывал оголенный фрагмент тугого волосатого брюха и смотрел на меня с таким недоуменным омерзением. Он не предложил мне войти.

Я, впрочем, совершенно не хотела входить. Я хотела спросить у него кое-что.

– Кто победил на выборах?

Спросила. Заметив про себя, что мой голос по-прежнему совершенно охрипший, чужой.

– На каких выборах? – Он смотрел на меня подозрительно. Щурил мышинные глаза.

– Ну, на выборах. В России. Кто стал президентом? Почему туда нельзя возвращаться?

– Ты зайдешь? – спросил он и быстрым взглядом окинул коридор позади меня.

– Нет. Просто скажи мне. Кто?

– Я не уверен, что стоит об этом разговаривать. Тем более вот так... в коридоре. Ты лучше зайди.

– Кто?

– Зачем ты спрашиваешь?

– Мне нужно. Нужно, чтоб ты ответил.

– Нужно, чтоб я произнес его имя вслух? Или нужно, чтоб я сказал, что про него думаю? Тебя кто-то прислал? У тебя в кармане лежит диктофон?

Он тяжело шагнул ко мне и неожиданно сильно схватил своей красной клешней за запястье. Другой клешней принялся ощупывать карманы моих джинсов.

– Зачем тебе? Ну-ка, зачем тебе? Ну-ка, зачем это, сука, тебе? – Он говорил тихо и зло и дышал мне прямо в лицо гнилым луком и пивом.

Задержав дыхание, я ждала, пока это кончится. Когда он, наконец, прекратил лапать меня, я сказала:

– Мне это нужно затем, что я не помню. Действительно не помню.

Он стоял напротив меня, хрипло дышал и шурился.

Он сказал:

– Я тоже не помню.

И захлопнул передо мной дверь.

* * *

– А знаешь что? – отвечала жена. – Заведем завтра утром детей пораньше в лес, в самую чащу; разведем там костер и дадим им по кусочку хлеба. А сами пойдем на работу и оставим их одних. Не найти им дороги обратно – вот мы от них и избавимся...

* * *

Ближе к ночи мне захотелось есть. То есть не то чтобы прямо захотелось, но я подумала, что ужин пришелся бы очень кстати: за весь день я съела только один круассан, да и тот во мне надолго не задержался.

Я взяла кошелек, мобильник и ключ от номера; поразмыслив, засунула все это в полиэтиленовый пакет с надписью Veneton – чтобы не разгуливать по ночному Парижу с кошельком и телефоном в руке. Потом еще положила туда сказки братьев Grimm. Зачем-то. И спустилась вниз.

На ресепшене сидел, покачиваясь из стороны в сторону, все тот же араб. Я отдала ему деревянную грушу и спросила:

– Is there any cafe somewhere near?

– Уи, – сказал араб. – Саппер ноу. Саппер а-ля кафе.

И помахал мне рукой на прощание.

Кроме меня, на улице никого не было. Я шла по Эмиля Золя и слушала собственные шаги. Странное ощущение. В Москве, даже в спальном районе, невозможно слышать свои шаги. Их всегда заглушают еще чьи-то шаги, или голоса, или машины, или музыка из открытых окон... В любое время суток.

А вот в Париже – пожалуйста. После девяти вечера город вымирает. Ну, кроме разве что самого центра.

Ничего похожего на кафе – по крайней мере, на открытое кафе – я нигде не видела.

Я шла и думала о своем муже. О своем бывшем муже.

...Я помню всякие мелочи. Дурацкие, неинтересные подробности.

Он, например, пил много воды. На ночь ставил рядом с собой двухлитровую бутылку, практически не просыпаясь, из нее отхлебывал, и к утру она была пустой.

Он, например, любил готовить что-то вроде овощного рагу. Сначала он мелко нарезал зелень. Потом – помидоры. Потом – грибы. Потом – морковь. Капусту-брокколи. Шпинат. Картошку. Пока нагревалась сковорода, все это лежало, очень аккуратно, на деревянной дощечке. Ровными опрятными кучками. Отдельно одно от другого. Если кусок помидора случайно попадал в кучку с грибами, он вытаскивал его оттуда и клал на место. К другим помидорам. А потом, когда сковорода достаточно накалялась, он брал нож и смахивал в нее с деревянной доски все эти кучки. Последовательно. Одну за другой. А потом брал ложку и все перемешивал. Все. Перемешивал...

Я едва не проскочила открытое кафе – на очередном перекрестке двух одинаковых, безлюдных улиц. Зашла внутрь. Села за столик и стала рассматривать заламинированный пластиковый прямоугольник меню. Есть хотелось уже по-настоящему. Я решила, что возьму порцию картофеля фри и горячий бутерброд с идиотским названием «Bonjour, Monsieur» – с ветчиной, сыром, шпинатом и яйцом. Был еще вариант «Bonjour, Madame». Без яйца. Официант все не подходил.

Я вынула из пакета «Сказки».

...Сели Гензель и Гретель у костра, а в полдень они съели свой хлеб. Они все время слышали стук топора и думали, что это где-нибудь недалеко работает отец. А постукивал-то вовсе не топор, а сухой сук, который отец подвязал к старому дереву. Сук раскачивало ветром, он ударялся о ствол и стучал. Сидели они так, сидели, от усталости у них стали закрываться глаза, и они крепко уснули. Когда они проснулись, в лесу было уже совсем темно. Заплакала Гретель...

– Bon soir! – Официант, маленький и вертлявый, вопросительно навис надо мной. Он широко улыбался.

– Good evening, – просипела я. Снова начинало болеть горло.

Услышав английский, он как-то сразу помрачнел и сник. Улыбка стала шире и ненатуральней.

– Qu'est ce-que vous desirez?[1 - Что будете заказывать? (фр.)] – продолжил он по-французски. Он все еще надеялся наладить со мной нормальный человеческий контакт.

– Excuser moi, je ne parle pas francais, – оттарабанила я. – I would like to order fried potatoes...[2 - Простите, я не говорю по-французски... Я бы хотела заказать картофель фри... (фр.)]

Его взгляд приобрел свинцовую бессмысленность.

- ...Hot sandwich «Bonjour, Monsieur», one fresh orange juice and one tea with lemon.[3 - Горячий бутерброд «Бонжур, мсье», свежевыжатый апельсиновый сок и чай с лимоном (англ.).]

Официант смотрел сквозь меня и широко улыбался. Я немного подождала. Потом в точности повторила предыдущую реплику, воодушевленно тыкая при этом пальцем в соответствующие пункты меню.

Официант закивал и чему-то очень обрадовался:

- Malheureusement, la cuisine est fermee apres 8 heures et vous pouvez commander seulement les boissons.[4 - Очень сожалею, но кухня закрывается после восьми вечера, сейчас вы можете заказать только напитки (англ.).]

- Excuse me, - сказала я, уже догадываясь, что ужин мне здесь не светит, - I don't understand. I'd like to eat a sandwich. Can I?[5 - Простите... Я не понимаю. Я хотела бы съесть бутерброд. Это возможно? (англ.)]

- Ноу, - просиял официант и утвердительно кивнул. - Китчен нот уорк. Ту лэйт. Pas possible.

Я закрыла меню, закрыла книжку и вышла из кафе. И побрела дальше.

...Да, а еще он курил, мой муж.

Перед тем как выйти на лестничную клетку курить, он всегда вежливо спрашивал: «Ты не возражаешь, если я выйду покурить?» И выходил только после того, как я говорила: «Конечно».

Еще - он всегда принимал душ ровно пятнадцать минут. А перед этим всегда говорил: «Я зайду в душ минут на пятнадцать».

Это я помню. И еще много всякой ерунды.

Но я не помню ни одного нашего разговора. Я не помню, как мы с ним встретились. Я не помню, как мы прикасались друг к другу. Я не помню любви. Я даже не помню, как его звали. Что заставило меня жить с ним? Наверное, было ведь что-то? Не помню. Не помню. Он молчит, сидит, суетится в освещенных квадратиках моей памяти – совершенно постороннее существо. Забавное, механическое. Что-то вроде одушевленного кухонного комбайна. А чего он хотел? Что любил и чего боялся? О чем думал, мечтал?

И – наконец – куда он делся? Где он сейчас?

Кажется, было много каких-то гадостей. Мелкого вранья и путаных объяснений. Кажется, кто-то кого-то предал. Кажется, я много плакала. Все это в каком-то тумане.

Как бы то ни было, теперь я одна.

В тумане...

В следующем кафе все повторилось. Кухня закрыта. Еды нет. Только напитки. Но сердобольная брюнетка с заячьими зубами жестами объяснила мне, где находится круглосуточный ресторан. Ресторан, в котором food можно есть tout la nuit.

Я действительно нашла его, этот ресторан. Вернее – бар. Там было жарко и накурено. Мрачный мужик с трехдневной щетиной поглощал дымящуюся пиццу прямо за стойкой. Еще один – с желтыми крошками в бороде – прихлебывал темное пиво.

Симпатичный бармен энергично размазывал мутные разводы по стенкам пивных кружек, орудуя сомнительной чистоты полотенцем.

– Excuse me, – сказала я.

Он не обращал на меня никакого внимания.

- Excuse me, - сказала я громче и закашлялась, - do you have food?

Он поднял на меня глаза и отрицательно покачал головой.

- Food, - повторила я, - food. Манжэ.

И показала пальцем на пиццу того мужика со щетиной.

- Non, - лениво выдавил из себя бармен и снова покачал головой из стороны в сторону.

Я продолжала стоять напротив него.

Тогда он повернулся ко мне спиной, наклонился куда-то под стойку бара, а потом извлек оттуда большой бумажный пакет. Для мусора.

Он сунул мне его прямо в нос, демонстрируя, что пакет пуст. И, издевательски ухмыльнувшись, сказал:

- Je suis desole, mais nous n'avons rien a vous proposer ce soir.[6 - Сожалею, но нам нечего вам предложить этим вечером (фр.).]

Демонстрация пакета была столь наглядна, что я прекрасно поняла, что именно он сказал.

Я почувствовала, что краснею. Стремительно краснею. Что мое лицо, и уши, и кожа головы - все становится пунцовым. А на глаза наворачиваются слезы. От злости. От возмущения. От невозможности объяснить.

- Merde, - хрипло сказала я. Это слово я знала.

Я вышла из бара и быстро пошла обратно, в гостиницу Ideal.

Потрясающе. Потрясающе. Меня приняли за бомжа. Разве я похожа на бомжа? Разве я одета в вонючее тряпье? Впрочем... как я одета? Джинсы, коричневые

зимние ботинки, довольно потасканный свитер. Для европейского бомжа – в самый раз. К тому же еще этот полиэтиленовый пакет с непонятным барахлом в руках.

Уже подходя к гостинице, я заметила круглосуточный магазинчик с китайской едой. Сонная аутичная китаянка упаковала мне в большую пластиковую коробку пережаренные куриные крылышки в каком-то сомнительном оранжево-желтом желе и салат из чего-то скользкого и зеленого. А еще я купила холодный чай – Ice Tea – в запотевшей жестяной банке.

Я вошла в гостиницу и подошла к арабу. Он спал, положив худое напряженное лицо на свои красивые смуглые руки.

– Онз, – произнесла я хрипло.

Онз. Одиннадцать. Это было волшебное слово. После него араб выдавал мне ключ от номера.

Очень хотелось спать.

Араб вздрогнул и проснулся. Несколько секунд таращился на меня, не узнавая. Потом сказал:

– Va d'ici.[7 - Иди отсюда (фр.).]

– Pardon?

Он быстро и изящно, по-кошачьи, выпрыгнул из-за деревянной стойки. Больно ткнул меня острыми длинными пальцами в грудь. И показал на дверь.

Он сказал:

– Casse-toi. Va te faire foutre.[8 - Катись отсюда. Проваливай (фр.).]

И вот тогда я посмотрела на себя в зеркало.

И вот тогда я посмотрела на себя в большое зеркало в позолоченной раме, которое висело в гостиничном холле.

И вот тогда все началось.

А меня не стало.

Часть вторая

Ты, чертище, вели своей чертище,

Чтоб она, чертища, распустила волосища;

Как жила она с тобой в челнице,

Так жил бы и он со своей женой в избище.

Чтоб он ее ненавидел.

Заговор на остуду между мужем и женой

I. Детеныш

Гигантские шестеренки Ковра-Самолета снова пришли в движение, и нелепо разукрашенная махина, скрежеща, неохотно возвратила людей в естественное положение.

Мальчик вышел за ограду и оглянулся на огромную, уродливую, свежевыкрашенную башку старика Хоттабыча, невесть зачем прибитую к Ковру. Приятно кружилась голова.

Потом были Американские Горки... Страшненько так. Щекотно под ребрами и в желудке. И все ужасно орали, даже взрослые. Даже мама. Хотя в целом ведь – ничего особенного.

На самом деле гораздо больше истеричных, бессмысленных американских горок Мальчику нравилась обыкновенная карусель – та, что располагалась в самом конце Чудо-Града, с маленькими пластмассовыми креслами, подвешенными на длинных железных цепях. Это был его самый любимый аттракцион. Каждый раз, когда Мальчик приходил в Парк Культуры, он собирался первым делом идти туда, к Карусели. Но дойти до нее было непросто. Казалось бы, что тут такого? Входишь в огромную каменную арку ЦПКиО имени Горького, идешь вперед, огибая фонтан. Дальше – белоснежные ворота, ведущие в Чудо-Град. А дальше – от этих ворот прямо к Карусели тянется широкая прямая аллея, и идти-то по ней всего минут семь, не больше...

Но ни разу еще Мальчику не удалось сразу, быстро и целеустремленно, пройти по аллее до самого конца – туда, к своей цели. К летающим по воздуху креслам, к пронизывающему ветру, от которого слезятся глаза, к оглушительно-громкой попсе... а-а-а он тибя цылу-ует, га-ва-рит, что любит, и на-чами обнима-а-а-ет, к сердцу прижимает, а-а-а я му-чи-юсь от бо-оли, са сва-ей любовью, фа-та-графии в альбо-о-о-ме... к бездонным воздушным ямам, к визжащим девчонкам, к вертящемуся миру. Прямая аллея пестрила симпатичными коричневыми дощечками указателей («Кафе», «Авторалли», «Тир», «Кораблекрушение», «Американские Горки»), хитро ветвилась дополнительными тропинками, уводящими то вправо, то влево, к другим удовольствиям и развлечениям. А на обочинах продавали с лотков разноцветную сладкую вату, и мороженое, и кока-колу, и чипсы... Так что Карусель – чистый восторг, чистый полет, единственное, чем стоило бы заниматься весь день, раз за разом покупая узкий хрустящий билетик и выстаивая длинную очередь, – Карусель всегда оставалась на потом. Когда времени уже было в обрез и мать торопилась домой...

Вот и теперь они направлялись вроде бы к Карусели – но Мальчик остановился на полдороге, под указателем «Пещера Ужасов», и просительно поглядел на мать.

- Да зачем тебе? Это же для маленьких! - удивилась она.

- Но я же никогда еще там не был, - занял Мальчик. - Ну ма-ам... Ну дава-ай...

- Может, лучше на Колесе обозрения покатаемся? - она указала влево, на застывшую в небе неповоротливую громадину.

- Нет, не хочу. Оно скучное. И вертится медленно.

- Ладно, - равнодушно пожала плечами мать, и они свернули вправо, к Пещере.

* * *

Очередь за билетами была длиннющая. Задрал голову и приоткрыв рот, Мальчик рассматривал огромные - в три человеческих роста - и нелепые фанерные физиономии, приколотые к стене Пещеры. Их было четыре. Гигантские подбородки состояли из множества неровных брусочков - как бы вырезанные из камня в как бы скале. Лбы же были вполне гладкими - работая над ними, неизвестный скульптор, по-видимому, забыл, что вырезает по камню, а не лепит из папье-маше. Все четыре монстра были одинаково мрачными; трое - неопределенного пола, один - точно мужчина: с усами. Плотно сжав тонкие злые губы, все они пристально смотрели вдаль выпученными глазами.

- Мам, а кто это? - спросил Мальчик.

Лично ей физиономии казались очень знакомыми - про себя она идентифицировала их как Христофора Колумба, Петра Великого, Екатерину Вторую и президента Буша - однако кого на самом деле имели в виду авторы скульптурной группы, было неясно. Ее версия сразу отпадала - никакой логики в подобном подборе персонажей не наблюдалось. Всем историческим деятелям, за исключением разве что Колумба, нечего было делать на стене здания аттракционов. Впрочем, если вдуматься, Колумб тоже не имел ни малейшего отношения к детским страшилкам...

- Не знаю, - ответила мать. - Хотя вон тот, кажется, Буш, - добавила, не удержавшись.

- А-а, – понимающе кивнул Мальчик и потерял к физиономиям интерес.

Очередь двигалась медленно.

- Mam, а какой это дом? – спросил Мальчик.

- В смысле – дом?

- Ну, вот это здание, в котором аттракцион, – у него же есть какой-то номер? Номер дома? Или нет? Или на аттракционах не бывает номеров?

- Честно говоря, не знаю, – ответила мать.

- А можно я сбегаю, посмотрю?

- Нет, стой здесь. Мы уже почти у кассы.

Через минуту они действительно подошли к кассе, и она купила в окошке один билет.

- А ты что, со мной не пойдешь?

- Не пойду – чего я там забыла? Это же совсем для малышей... Вон, смотри, с трехлетними детишками оттуда мамы выходят.

- Ну, зато там, наверное, смешно, – неуверенно возразил Мальчик.

Он сам уже жалел, что притащился сюда и потратил столько времени зря. Судя по всему, в этом аттракционе ничего смешного – а уж тем более страшного – не было. Так, по крайней мере, казалось снаружи: в стене Пещеры, сверху, между физиономиями, было «вырублено» довольно большое окно, и в нем проплывали, раскачиваясь на толстом металлическом тросе, люди в дурацких красных креслах. Лениво улыбаясь, эти люди смотрели сверху на очередь в кассу, без энтузиазма махали друзьям и родственникам, или плевались, или кидали вниз фантики и снова ныряли в темноту Пещеры. Лица у них были какие-то вялые и рассеянные. Кажется, им было скучно.

- Все, иди, твоя очередь, - мать подтолкнула его ко входу в Пещеру.

Он вошел в узкий, тускло освещенный коридорчик и остановился - очередь продолжалась и там. Огляделся. Стены и потолок были покрыты какой-то черной пупырчатой гадостью, претендовавшей, кажется, на сходство со сталактитами. Поборов отвращение, Мальчик дотронулся до шершавой поверхности пальцем. Пенопласт. Стало совсем скучно.

- Я боюсь, - тихо сказала симпатичная кудрявая девочка, стоявшая рядом с ним.

- А чего тут бояться? Это же не взаправду? - удивился Мальчик.

- Там... там будут привидения. И скелеты, - пискнула девочка.

Она действительно выглядела испуганной.

- Да не бойся ты. Ну хочешь - сядем с тобой вместе? - предложил он.

- Хочу, - потупилась.

В продолговатые красные кресла сажали по трое.

- Чур я не с краю! - сказала кудрявая и уселась в середину, рядом с еще одной девочкой, толстой и некрасивой.

- А я с краю, - сказал Мальчик.

- побыстрее, ребята, побыстрее, - строго загундосил низкорослый таджик в синей спецовке - он проверял, все ли пристегнулись к сиденью.

Наконец тронулись. Медленно, со скрипом кресло поползло по тросу куда-то вверх и вбок.

- Ой, - тихо сказала кудрявая и прижалась к Мальчику.

Миновали неподвижного мужика с окровавленным топором. Потом куцее болотце с неподвижной же русалкой. Сбоку громко ухнуло привидение в белой простыне – кудрявая вздрогнула, потом засмеялась.

– Видишь, я же говорил: совсем не страшно, – сказал Мальчик.

Фредди Крюгер нерешительно протянул к ним длиннопалую когтистую руку – и тут же смущенно отдернул. Впереди наметился маленький журчащий водопад – но когда они проезжали под ним, вода, естественно, отключилась.

– И совсем неинтересно, – буркнул Мальчик.

– Вон! Вон он, скелет. – Девочка, смеясь, показывала пальцем на белое существо впереди; оно нервно пританцовывало – так, словно очень хотело отлучиться по малой нужде.

Когда они проезжали мимо, скелет вдруг перестал суетиться, застыл и театрально захохотал. Девочки для порядка взвизгнули.

– Смотрите, гроб! – сказал Мальчик.

– Где? – заинтересовалась кудрявая, но, прежде чем он успел показать, тусклый свет в Пещере неожиданно погас, а все кресла остановились.

В темноте раздавались крики и смех.

– Сломался! Аттракцион сломался! – выкрикнул чей-то радостный голос. – Теперь мы тут так и будем сидеть!

Через пять минут стало скучно. И тихо.

– Давай раскачиваться, – интимно шепнула кудрявая девочка ему в ухо.

От нее приятно пахло мятной жвачкой и каким-то фруктовым шампунем.

– Давай.

Они стали болтать ногами, раскачиваясь, – но уже через пару минут Мальчику это надоело.

Глаза его стали постепенно привыкать к темноте. Там, куда он все время смотрел – чуть ниже, немного справа, – на специальной подставочке стоял гроб. Настоящий дубовый гроб. Открытый.

И кто-то... что-то лежало в нем; нечеткий, обмотанный черными тенями силуэт постепенно вырисовывался из мрака. Медленно, миллиметр за миллиметром, проступали его ноги – худые, безвольно вытянутые... И руки – бледные, аккуратно сложенные на груди, крепко сжимающие погасшую электрическую лампочку в форме свечи... И лицо – зеленоватое, остроносое, тонкогубое, тихо... расплзающееся... в улыбке...

II. Путешествие

Я шла долго, очень долго. Я не думала ни о чем. В каком-то сквере, уже под утро, я расстелила прямо на земле, под деревом, пакет с надписью Veneton и стала поедать остывшую, пересоленную китайскую еду. Жадно, руками.

Наевшись, принялась вяло обдумывать ситуацию. Мои документы, обратный билет на самолет, одежда, большая часть денег и фотоаппарат остались в гостинице. Все это мне уже не достать.

Я раскрыла кошелек и пересчитала наличность. Примерно сто евро. И две тысячи рублей. Еще там было несколько моих визиток, теперь уже мне не нужных. И водительские права с фотографией, теперь уже не моей.

Остаток ночи и утро я провела там же, в сквере. Несколько раз просыпалась от холода. Часов в одиннадцать дня я, наконец, заставила себя подняться. Все тело болело. Что-то жидкое громко булькало и свистело в легких. Я закашлялась. Я кашляла долго и натужно, с облегчением сплевывая на землю большие зеленовато-желтые сгустки.

К полудню мне стало лучше.

Я сгрэбла книжку и кошелек в пакет и пошла в сторону центра. Мобильный куда-то пропал – но мне было все равно.

По дороге я зашла в магазин и купила табак, бумажки-самокрутки и две бутылки самого дешевого красного вина. Французские клошары пьют молодое красное вино. Отвратительно кислое.

Следующие два дня я слонялась по Парижу. Без всякой цели. Без всяких мыслей. Без особого удивления я обнаружила, что понимаю теперь их язык. И свободно на нем говорю. Свободно говорю по-французски чужим хриплым голосом.

А на третий день у меня появилась цель. Я вдруг поняла, что мне надо попасть домой. Кем бы я теперь ни была, мне надо ехать домой.

Денег у меня в кошельке еще хватало на то, чтобы купить билет до Кельна. А там, в Кельне, жили люди, которые должны были мне помочь.

Кем бы я ни была.

На вокзале Paris Nord было столпотворение. Поезд на Кельн задерживался из-за какой-то забастовки на железной дороге. Задрав голову, я рассматривала электронное табло с расписанием поездов, когда из толпы вдруг вынырнул потасканного вида и неопределенного возраста человек с козлиной бородкой, дружески хлопнул меня по спине и проорал по-французски:

– Здорово, Кудэр!

От него исходил резкий козлиный запах. Застарелого пота и застарелой кислятины.

Я сказала:

– Вы, похоже, ошиблись.

- Эй, да ты чего? - Он снова дыхнул на меня козлиным.

Я отвернулась от него и пошла прочь, с трудом протискиваясь через нервно скучающую толпу. Он устремился за мной.

- Эй, Кудэр, мать твою! Кудэр, ты что, спятил?

- Да отвяжись ты! - Я остановилась и посмотрела ему в глаза. - Чего тебе надо?

- Ни хрена себе... Ты что, правда меня не узнаешь?

- Правда. Не узнаю.

- Да я же Поль! А это вот - Алекс...

Из-за его спины неожиданно вынырнул еще один облезлый субъект. Это был седой старичок с маленькими гноящимися глазами.

- Алекс, - захлебываясь, тараторил Поль. - Посмотри, он нас не узнает!

Старичок подошел ближе и молча уставился на меня. Я заметила, что один его глаз полностью затянут большим голубоватым бельмом.

- Трансформированный, - сказал Алекс.

- Чего? - изумился Поль.

- Трансформированный. Я знаю что говорю. Пойдем отсюда. Кудэра больше нет.

- Вы что, оба с ума спятили? Если этот парень не Кудэр, то кто же он?

- Мари, - старичок хитро прищурил свой незрячий глаз. - Ты ведь Мари, да, крошка?

Он тихо захихикал, выставив напоказ гнилые огрызки зубов; мне показалось, что я действительно когда-то знала его.

На электронном табло высветился номер моего поезда. Я побежала к вагону – не слишком быстро, но они не гнались за мной.

Не гнались. Одноглазый Алекс только сипло смеялся мне вслед. И, смеясь, выкрикивал громко по-русски:

– Маша-растеряша! Эй, Маша-растеряша! Все растеряла! Хи-хи-хи! Уже не найдешь!

В поезде я откинула спинку сиденья и почти сразу заснула.

Во сне я видела ночную тропинку, белые камни и птиц. Я была очень близка к разгадке, еще ближе, чем раньше.

Когда я проснулась, мы уже ехали по Германии. Надо мной выжидательно склонился немец-контролер. Я протянула билет. Он внимательно, чуть удивленно изучил его, прокомпостировал и вернул мне. Забирая билет, я случайно коснулась его холеных прохладных пальцев. Отвращение мелькнуло в его глазах лишь на долю секунды, и тотчас же утонуло в невозмутимой арийской голубизне. Он пошел по вагону дальше. Я вспомнила про книгу в пакете.

* * *

...Когда они проснулись, в лесу было уже совсем темно. Заплакала Гретель и говорит:

– Как нам теперь найти дорогу домой?

– погоди, – утешал ее Гензель, – вот взойдет месяц, станет светлее, мы и найдем дорогу.

И верно, скоро взошел месяц. Взял Гензель Гретель за руку и пошел от камешка к камешку – а блестели они, словно денежки, и указывали детям дорогу. Всю ночь шли они, а на рассвете пришли к отцовскому дому и постучались в дверь...

* * *

Я смотрела в окно поезда – на ровные дольки игрушечных немецких полей, на белые, желтые и зеленые домики у обочин... Я думала о своих родителях.

Мои родители эмигрировали в Германию в начале девяностых – несмотря на мои пламенные протесты. Они говорили о нищенской пенсии, об отсутствии перспектив, о том, что надо «сматываться из этой страны». Смотрелись...

Они поселились в Кельне. Немецкие власти выделили им социальное пособие, которого было более чем достаточно, чтобы арендовать двухкомнатную квартиру, покупать продукты в соседнем супермаркете и еще немного откладывать.

Перед ними открылись перспективы. Матери – врачу-окулисту с двадцатилетним стажем – на бирже труда предложили подстригать кусты в городском саду. Отцу – инженеру-конструктору – охранять маленькое складское помещение.

Языка они, естественно, не знали и на бесплатных двухмесячных курсах для иммигрантов выучить его не смогли. Они общались только с русскими. По большей части – с так называемыми «русскими немцами», которых в их многоквартирном панельном доме было превеликое множество. Эти шумные, энергичные, малообразованные тетки и мужики с Урала, из Сибири и Казахстана казались моим родителям, тихим интеллигентным евреям, инопланетными пришельцами. Родители беседовали с русскими немцами о распродажах, о ремонтных работах в доме напротив и о курсах валют.

Вечерами они смотрели канал РТР, транслировавшийся на Германию, слушали пластинки Окуджавы и пили чай с бергамотом.

К чаю папа нарезал и аккуратно выкладывал на блюдце маленькие кусочки банана и сникерса. В Германии это почему-то стало их излюбленным лакомством.

А перед сном они сортировали скопившийся за день мусор. Разделяли на три аккуратные кучки: в первой – бумажные отходы, во второй – пищевые, в третьей

– металл, стекло и пластмасса. «Нельзя нарушать законы страны, которая тебя приняла», – говорил отец.

Они все время звали меня в гости. Но сами приезжали в Россию лишь пару раз. Организация, платившая им «социал», не одобряла подобных путешествий. Не одобряли и соседи, русские немцы, с удовольствием писавшие на полунемецком подробнейшие отчеты в соответствующие инстанции.

Возможно, они бы хотели вернуться. Но уже не могли – у них не было сил. Новая жизнь – симпатичные тележки в супермаркетах, полупустые автобусы с плюшевыми сиденьями и улыбчивыми пассажирами, отдельные урны для органического и неорганического мусора, непонятная немецкая речь и вежливые кассиры – эта жизнь как-то сразу заставила их съежиться, придавила, превратила в нелепых и жалких старичков.

В последний раз я видела их год назад. Папа, совсем седой, сутулый, суетливый, болтливый, нарезал мне в тарелочку бананы и сникерсы. Я отказывалась. Он упирался. Говорил: «Сначала попробуй, а потом уже говори нет». У него сильно тряслись руки. Правая дужка его очков была обмотана коричневой изолентой. Мама, в дурацком зеленом костюме с распродажи, с непривычно короткой стрижкой, с непривычно пустыми глазами, рассеянно и не к месту улыбалась и показывала фотографии каких-то совершенно неизвестных мне дальних родственников, живущих теперь в Баварии. Я приехала к ним на пятнадцать дней, но улетела через неделю. Сказала, что в Москве у меня срочная съемка. Не выдержала этого дикого сочетания острой жалости и мертвенной скуки. Теперь мне очень хотелось увидеть их...

Где-то минут за сорок до Кельна я наконец решилась. Я скрутила себе самокрутку, прошла в соседний вагон – для курящих, – выкурила ее там, скрутила еще одну, выкурила, вернулась в свой вагон, зашла в маленький опрятный сортир, закашлялась, сплюнула зеленую гадость в белоснежную раковину, а потом подняла голову и посмотрела на себя в зеркало.

Я еще ни разу не смотрелась в зеркало с тех пор, как увидела свое отражение там, в гостинице.

Я не закричала.

Я только подумала, что пора бы уже перестать думать о себе в первом лице. Думать о себе – «я». Потому что это не я.

В зеркале перед собой я увидела отталкивающего вида мужчину. Лет сорока. Очень грязного и уставшего. Его одутловатое, опухшее, с резкими чертами лицо покрывала многодневная черно-седая щетина. Маленькие темно-карие глазки, угнездившиеся по обе стороны переносицы, были больными и злыми. Нос шелушился. Кожа – довольно смуглая. Черные, жирные, проволочно-курчавые волосы с редкими вкраплениями седины сползали, извиваясь, по шее и скрывались за грязным воротником.

Скорее всего, он был полукровкой. Наполовину француз, наполовину араб.

Он разделся до пояса. Впалая волосатая грудь. Сморщенные лиловые соски-пуговицы. Смуглый мешкообразный живот. Кривая дорожка коротких упругих завитков – от забитого грязью пупка до застежки на джинсах. И дальше, туда, вниз, вниз, туда, где уже не видно.

Он расстегнул ширинку, приспустил штаны и трусы и сразу почувствовал резкий кисло-соленый запах. Что-то вроде запаха завалявшегося на солнце козьего сыра и гнилых помидоров.

Под трусами обнаружился смятый комок черной кудрявой растительности, из которого торчал, точно гриб-моховик, толстый короткий член. Красная блестящая головка, покрытая слизью, вяло выглядывала из синюшных морщинистых складочек крайней плоти. И еще этот запах. Запах.

Кудэр снова натянул джинсы, надел футболку. Вымыл лицо, шею и руки с мылом.

* * *

...встал Гензель с постели и хотел пойти во двор, чтобы набрать камешков, как в прошлый раз. Но мачеха заперла дверь, и Гензель не смог выйти из хижины.

Рано утром мачеха разбудила их и дала им по куску хлеба. Пошли они в лес, а Гензель по дороге крошил хлеб в кармане, останавливался и бросал хлебные крошки на дорогу...

* * *

В одной из урн рядом с Кельнским собором обнаружили две банки, почти до половины заполненные пивом. Он выпил их, покопался в мусоре еще, но больше выпивки не было.

Он сел на ступеньки собора, положил лохматую голову на руки и затрясся всем телом. Наверное, кашлял. Или рыдал. Или и то, и другое сразу.

Через некоторое время Кудэр почувствовал, что кто-то трогает его за плечо. Он затих. Потом медленно поднял злое, мокрое лицо. Девочка лет пятнадцати, с маленькими металлическими колечками в бровях, носу и нижней губе, протягивала ему монетку. Один евро.

Он взял.

III. Детеныш

Наверху что-то заскрежетало, заискрившись, хлопнуло. Кто-то из детей вскрикнул, все стали задирать головы, тщетно пытаясь что-нибудь разглядеть. Мальчик не смотрел вверх. Он смотрел туда, на мертвеца, и на электрическую лампочку в его руках. На лампочку, которая вдруг зажглась – одновременно с этим хлопком наверху, – и мерцала теперь в бледных дрожащих руках, покачиваясь, наклоняясь, истекая ароматным воском...

Мальчик закрыл глаза. Что-то снова гроыхнуло, противно затрещало сверху.

– А вдруг трос порвется и мы свалимся вниз? – прошептала ему на ухо кудрявая девочка. – Мне страшно.

Ее волосы легонько щекотали Мальчику щеку. Но ее запаха – фруктового шампуня и мятной жвачки – он уже не ощущал. Только запах этой дрожащей свечи, такой сильный, настырный запах... и очень знакомый... Вспомнил. В Пещере Ужасов теперь пахло точно так же, как в церкви. А чем пахнет в церкви? Воском, ладаном, что ли?.. Главное – не открывать глаза...

– Мне страшно, – настойчиво повторила девочка.

Он хотел придвинуться к ней поближе. Он хотел сказать ей: «Не бойся». Он хотел сказать: «Трос очень крепкий, он не может порваться». Но он не успел. Холодная, такая холодная, ледяная рука погладила его по лицу, потом больно сжала шею, вцепилась в него мертвой хваткой, мертвой...

Ловко, уверенно, беззвучно Мертвец выдернул Мальчика из хлипкого пластмассового кресла и быстро потащил за собой – вниз, вниз, вниз.

IV. Путешествие

Что он должен был им сказать? «Здравствуйте, мамочка и папочка»? «А вот и я»? «За последний год я сильно изменилась, но вы не обращайтесь внимания»?

Он позвонил. По ту сторону засуетились, удивленно зашаркали. Кто-то покорно поволочил тапочки к двери. Наконец шарканье стихло. Желтый дверной глазок напряженно почернел, заполнился недоверчивой темнотой человеческого зрачка.

Он громко сказал, глядя в эту черную точку:

– Добрый день. Я – друг вашей дочери, Маши. Я от Маши.

Неприятное отрывистое эхо разнеслось по лестничной клетке. Маши... Маши... аши...

С той стороны что-то царапнулось о стену, глухо звякнуло, и дверь приоткрылась настолько, насколько позволяла цепочка. Некоторое время отец

молча изучал его через образовавшуюся щель. Потом отвернулся и неуверенно крикнул:

- Лиза, пойди сюда, тут какой-то человек...

- Что за человек? - без интереса откликнулась мать откуда-то из глубины квартиры.

- Не знаю, - отозвался отец.

- Что значит: не знаешь? Насчет страховых полисов, что ли?

- Нет, - ответил отец. - Он говорит: от Маши.

Лоснящееся от крема и пота лицо матери показалось в дверном проеме. Она смотрела немного испуганно:

- Вы кто?

- Здравствуйте, я Машин друг. Приятель. Дело в том, что Маша сказала мне... Я тут проездом, понимаете? Мы сначала были вместе с Машей в командировке в Париже, а потом она улетела домой, в Москву... А у меня еще здесь, в Германии, дела... Понимаете?

Понимаете? ...нимаете? ...маете?..

Отец и мать настороженно молчали.

- Ну так вот, и она, Маша, сказала мне, что я мог бы у вас остановиться... на денек. Она ведь вам звонила, предупреждала, правда?

- Никто нам не звонил, - ответила мать ровным, слегка металлическим голосом.

Кудэр помнил, знал этот металл: он всегда появлялся, когда она волновалась.

- Да? Ну, значит она не успела... Или забыла... Я могу войти?

– Кто вы? – снова спросила мать так звонко, что Кудэр вздрогнул и почувствовал во рту кислый вкус железяки.

Полагал ли он, что они узнают его и таким? Конечно, нет. Надеялся ли, что, даже не узнав, почувствуют в нем свое, родное, примут без колебаний, напоят чаем с бананом и сникерсом? Конечно, надеялся. Да что там надеялся, рассчитывал на это. Поэтому даже не счел нужным подготовить какие-то мало-мальски вразумительные объяснения своего появления. Своего существования.

– Как вас зовут? – спросила мать.

Потом повернулась к отцу и громким прерывистым шепотом заговорила с ним. На лестничную клетку просачивались с шипением отдельные слова.

Откуда... кажется... весь в грязи... странно пахнет... откуда... может знать Машу... не может... таких знакомых... что-то не то... звонить в полицию... или что-то с ней сделал... плохое предчувствие... что-то... плохое предчувствие... мое сердце... чувствует...

– Меня зовут Антон.

– Мы никаких Антонов не знаем, – сказала мать. – У Маши нет таких знакомых.

Впервые за много лет ему остро, пронзительно-остро захотелось обнять маму – и чтобы она его обняла.

– Может, давай позвоним ей в Москву? – дрожащим от волнения голосом предложил отец. – Спросим, что да как.

– Конечно, давай позвоним. Тем более мы уже давно не звонили, – жизнерадостным алюминием откликнулась мать.

Кудэр подумал, что они похожи на школьников, очень неумело разыгрывающих дурацкую сценку из новогоднего спектакля.

– Дома не берет трубку, – спустя пару минут сообщила мать. – А мобильный телефон отключен.

– Можно мне войти? – снова спросил Кудэр и почувствовал, что надвигается очередной приступ кашля.

– Нет, нельзя, – твердо сказала мать.

– Уходите, – сказал отец.

– Ну, пожалуйста! – почти крикнул Кудэр и тут же согнулся пополам и начал кашлять – громко, безнадежно, остервенело.

Каждый хриплый вдох, каждый отвратительный выдох дробился и умножался кафельным эхом лестницы.

Сквозь едкую пленку слез, налипшую на глаза, он снова взглянул в лицо матери – чужое, расплывающееся, меняющее свои очертания в полосе уютного электрического света.

– Лиза, закрой дверь, он, наверное, заразный, – сказал ей отец.

Кудэр увидел, что светлый промежуток, связывающий его, корчащегося на лестничной клетке, и родителей, шепчущихся там, внутри, сокращается, сокращается, становится уже. Мать медленно закрывала дверь.

Откуда-то извне, незнакомая, сумасшедшая, пришла ярость. Кудэр бросился к ним, грязными, липкими от пива пальцами вцепился в дверь, резко рванул ее на себя. Неуверенно брякнула натянутая цепочка. Кудэр просунул руку внутрь и стал быстро-быстро теревить эту цепочку, дергать из стороны в сторону, пытаюсь отстегнуть.

– Впустите меня! Немедленно впустите меня! – хрипел он. – Дайте мне поесть! Вы должны меня накормить! Вы должны меня узнать! Вы не можете меня прогнать! Вот так вот взять и прогнать!

Прогнать ...рогнать ...огнать...

– Он сумасшедший! – взвизгнула мать. – Полицию! Яша, звони срочно в полицию!

– Сейчас-сейчас, – спокойно ответил отец. – Вот только... поправлю тут кое-что... дверку закрою...

Боль – мгновенная, непонятная, настолько сильная, что даже как будто ненастоящая и чужая, – заполнила руку Кудэра, резкими холодными волнами отдалась в голове, в груди, в позвоночнике. Казалось, что его пальцы воткнули, точно в зимнюю варежку, в огромную глыбу льда.

Он завыл, отпустил дверную цепочку и отдернул руку. Она была ярко-красная, с белыми островками вздувшейся кожи. От нее остро пахло мясным бульоном.

– Кипяточком... из чайничка... – услышал он точно во сне деловитый голос отца, прежде чем дверь перед ним захлопнулась.

Пока приезжала и уезжала полицейская машина, он отсиделся в кустах рядом с детской площадкой.

* * *

– погоди, Гретель, вот скоро луна взойдет, мы и отыщем дорогу по хлебным крошкам.

Когда вошла луна, отправились они искать дорогу. Искали ее, искали, но так и не нашли. Тысячи птиц летают в лесу и в поле – и они все их поклевали...

* * *

На следующий день, ближе к вечеру, он вернулся туда.

Кусты были очень удобные. Без листвы, но густые и ветвистые, они образовывали прекрасное укрытие. И при этом позволяли хорошо видеть подъезд.

На всякий случай Кудэр пришел немного раньше. Отец обычно выходил в супермаркет около пяти, так что оставалось еще минут двадцать в запасе. В прошлом году, когда он... нет, когда она приезжала к родителям в гости, старик ходил туда каждый день. За сникерса-ми, ну и просто прогуляться. Кудэр надеялся, что за это время привычки отца не изменились.

Он посмотрел на свою руку. Белые пузыри отслоившейся кожи полопались и обмякли, образовав неровные скукоженные воронки. Через дырочки в этих воронках виднелись маленькие островки нежно-розового, поросычьего. Дотрагиваться до руки он не мог. Даже прикосновение к ней воздуха – легкие порывы ветра – были болезненными.

Возможно, ее нужно было обмотать чем-то. Стерильным. И уж точно чем-то намазать. Каким-нибудь специальным кремом от ожогов.

Сегодня. Сегодня у него наверняка появятся деньги, и он сделает все как полагается. Приведет себя в порядок.

Хлопнула дверь в подъезд. Кудэр вздрогнул и посмотрел в просвет между ветками.

Отец вышел из дома и неторопливо зашагал по направлению к магазину. Выбравшись из укрытия, Кудэр пошел следом.

Отец очень любил прогулки. Он полюбил их двадцать лет назад – после того, как почти год ему пришлось провести в инвалидной каталке.

После того, как врач с дежурным, протертым до дыр сочувствием сказал ему, что он, вероятно, уже никогда не будет ходить. После того, как жена металлическим голосом сказала ему, что останется с ним, что бы ни случилось. И что она все простила.

Все простила...

Продолжая следовать за отцом, Кудэр слегка замедлил шаг, извлек из кармана недокурный бычок, чиркнул спичкой. Сдержав кашель, глубоко, до тошноты

затянулся, впуская в себя далекие, теперь уже не свои, чужие воспоминания – едкие и бесформенные, как дым...

– ...Не при ребенке! Давай хотя бы не при ребенке!

Отец заметно нервничал. У него тряслись руки, он говорил очень громко и неестественно – как будто рассказывал детскую сказку, – а взгляд был затравленный и в то же время какой-то пугающе безразличный, почти сонный.

Маша никогда еще не видела его таким. Она стояла, прижавшись к стене кухни, не желая оставаться, не решаясь выйти, заткнув обеими руками уши – но не плотно, так, чтобы все равно слышать, о чем они говорят. Кричат. Шипят.

– О ребенке тебе раньше надо было думать!

У матери было красное, все в испарине и слезах лицо и какие-то чужие, как показалось Маше, губы. Верхняя как будто бы стала тоньше и бледнее, а нижняя покрылась мятой, шершавой, темно-бурой корочкой.

– Много ты думал о ребенке, когда с этой своей...

– Замолчи!

– Когда ты. С этой. Своей. Как ее. Там.

– Заяц, иди, пожалуйста, в свою комнату, – он повернул голову к дочери, но не посмотрел на нее, не решился.

«Заяц. Он называет меня “зайцем”, потому что у меня неправильный прикус и передние зубы торчат вперед», – с тоской подумала Маша и осталась стоять на месте.

– Мария, иди к себе, – сказали чужие шершавые губы.

Маша повиновалась, медленно пошла. Уже на пороге своей комнаты она услышала, почувствовала затылком, волосами и позвоночником, как те же губы сказали «мразь», и еще сказали «ненавижу», и «убирайся». Сказали папе.

Он лихорадочно собрал какие-то ненужные вещи – в основном почему-то носки и галстуки – и ушел. Вечером позвонил; Маша подошла к телефону. Он сказал:

– Заяц, меня какое-то время не будет рядом. Просто нам с мамой надо пожить отдельно. Это не значит, что я тебя бросаю. Понимаешь?

– Понимаю, – сказала Маша.

– Мы будем с тобой встречаться. Очень часто. Хорошо?

– Хорошо.

– Помогай маме.

– Да.

– Ну... ладно. Пока, зай. Я еще позвоню. Хочешь – завтра?

– Хочу.

Но он не позвонил. Вроде бы именно на следующий день это и случилось. Или, может быть, через день.

Подробностей Маша не знала. Знала только, что машина, в которой ехал отец и Эта, столкнулась с другой машиной. Отца долго не могли вытащить наружу, потому что какой-то железкой ему придавило ноги.

Зато Эту вытащили сразу – и больше о ней никогда не говорили.

О людях в той, другой машине, не говорили тоже.

Мать все время была рядом с ним. Он принимал ее помощь вежливо и безучастно. И у него все время было такое лицо... Такое, будто он давно уже понял, что спит, и вполне успокоился – вот только совершенно не представлял, как ему теперь просыпаться.

Через полгода его ноги, бледные беспомощные ноги в синих тренировочных штанах, стали тонкими, как у ребенка. Еще через пару месяцев ему сделали очередную операцию.

Через год его колени, разукрашенные сеточкой мелких красноватых шрамов, снова стали сгибаться и разгибаться. Он радостно объяснил Маше, что это потому, что ему в коленные чашечки вставили какие-то специальные, очень тонкие металлические штырьки.

– Но их ведь потом вытащат? – испуганно спросила она.

– Нет, – ответил отец и улыбнулся. – Зато я смогу ходить.

– И... что, у тебя колени будут скрипеть и лязгать при ходьбе? – Маша представила себе Железного Дровосека с лицом и улыбкой отца.

– Конечно, нет. Просто я теперь снова буду ходить. Может быть, не так быстро, как раньше, но буду...

...Отец шел медленно. Как всегда – медленно и осторожно. Он миновал маленький, безлюдный бургерский дворик и зашел в подворотню. Дальше – насколько помнил Кудэр, после этой подворотни направо – был магазин.

Кудэр лениво взглянул на удаляющуюся сутулую спину отца и замедлил шаг, позволяя ему уйти.

Здесь. Это место.

Выждав немного, он добрал до подворотни и устало прислонился к холодной каменной стене с неопрятным граффити. Толстолапые сине-зеленые буквы,

извиваясь, слиплись в клубок: Transformation. Он в последний раз затянулся, выбросил докуренный до фильтра бычок и сплюнул себе под ноги вязкую горьковатую слюну – вместе с размякшими крошками недавно съеденной булки, вместе с ошметками бесхозных, прогоркших воспоминаний. Потом прикинул, сколько ему здесь торчать. Четверть часа, не больше.

Отец вошел в подворотню через десять минут. В руке он держал пакет с надписью Mueller. Тихо и озабоченно бормотал себе что-то под нос. Лицо у него было бессмысленное и немного радостное, как у слабоумного.

Кудэр медленно, с усилием отлепился от стены и преградил ему путь. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

– Я позову полицию, – не то испуганно, не то раздраженно сказал отец и поправил на переносице очки.

– Нет. Не позовешь.

– Я...

– Заткнись. Тут никого нет. Посмотри лучше сюда, папа. Жалко зайчика?

Кудэр сунул отцу под нос свою опухшую ошпаренную руку, и тот покорно уставился на нее. Другой, здоровой, рукой Кудэр ударил его по лицу. Несильно.

Пластмассовая дужка очков с тихим треском отломилась от толстой роговой оправы и повисла на клейком лоскутке изолянта. Старик изумленно ойкнул, снял очки и отступил на шаг. Кудэр тоже немного отошел, наклонил голову набок и стал внимательно рассматривать чистые кремовые отцовские брюки, купленные на распродаже за семь евро. Затем снова приблизился и точным, резким движением лягнул его в правое колено, оставив смазанный бурый отпечаток подошвы на светлой ткани. Отец тонко, по-детски вскрикнул и упал на асфальт. Кудэр подошел к нему вплотную и ударил в левое колено. И потом снова в правое. Туда, где, как он знал, было с десятков красноватых шрамов. Туда, где маленькая удобная железка скрепляла какие-то важные косточки и сухожилия. Туда.

Прозрачная пластиковая упаковка с замурованной внутри гроздью неспелых бананов вывалилась из пакета на землю. Кудэр подобрал ее, аккуратно засунул обратно. Потом нагнулся, вытащил бумажник из заднего кармана скулившего у него под ногами старика, пересчитал деньги. Положил бумажник туда же, к бананам, – и ушел, весело помахивая пакетом с надписью Mueller, точно школьным портфелем.

V. Детеныш

Жарко. Очень жарко. Это было первое, что Мальчик почувствовал. А потом он почувствовал, что лежит на спине совершенно голый, на чем-то твердом, горячем и неприятно скользком.

Мальчик инстинктивно прикрылся рукой. Повернулся на бок, поджал под себя ноги, а потом уже открыл глаза. В комнате было довольно темно – он даже не мог понять, какого она размера. Однако тот участок помещения, где лежал Мальчик, был освещен. Вкрадчиво потрескивало горящее дерево – где-то совсем близко. И в отблесках огня что-то... или, вернее, кто-то... Мальчик зажмурился.

Потом снова открыл глаза. Какое-то уродливое волосатое существо стояло рядом с ним и шумно его обнюхивало.

– Фу, что за вонь! – Существо пару раз чихнуло и отступило в темноту.

Мальчик осторожно втянул носом воздух. В помещении, где он находился, стоял резкий запах хвои, костра и подгоревшего жира. И еще каких-то трав... Но все-таки воню это было сложно назвать; запах казался скорее приятным...

Мальчик попытался встать, но ноги беспомощно заскользили в какой-то жидкости – ему показалось, что это подсолнечное масло, – а пол словно заходил ходуном. Приглядевшись, он понял, что под ним не пол, а что-то вроде огромного чугунного подноса. Поднос был подвешен к массивному крюку на потолке на четырех железных цепях. При каждом движении Мальчика цепи слегка качались, поскрипывая.

Он осторожно уселся на корточки. Ступням было очень горячо.

В следующую секунду Мальчик понял, где находился костер. Прямо под ним.

«Закричать, – подумал Мальчик, – кричать, кричать, кричать». И продолжал тихо сидеть на корточках.

– Меня тошнит, – сказал высокий, капризный голос из темноты, – от этого запаха.

– Меня тоже, – поддакнул второй, еще более писклявый.

– Потерпите, – пробасил в ответ голос, который принадлежал, как показалось Мальчику, чихавшему существу.

– Зачем я должен терпеть? – не унимался писклявый. – Что это вообще?

– Мясо, – раздраженно сказала существо.

– Какое мясо?

– Живое.

– Как это – живое?

– Настоящее.

На некоторое время разговор затих. Кто-то сосредоточенно сопел в углу.

– А что все-таки значит: настоящее?

– Это значит – человеческое. Живого человека.

Мальчик почувствовал, что к хвойному аромату примешивается теперь явственный запах паленой кожи. Его кожи. Он закрыл глаза и тихо заплакал.

Что-то скрипнуло – кажется, входная дверь – и в помещение вошел еще кто-то.

– Человечьим ду-у-ухом пахнет, – неприятно подвывая, пропел старческий надтреснутый голос.

Мальчик услышал, как чьи-то шаркающие шаги приближаются к нему. Мелко-мелко трясущиеся, холодные пальцы провели по его лицу.

Мальчик открыл глаза.

Перед ним, навсегда согнувшись в пояснице, стояла отвратительная горбатая старуха, шурила и без того малюсенькие слезящиеся глаза и улыбалась влажно-мерцающими в свете костра лиловыми деснами. Из верхней, впрочем, кокетливо высовывался единственный зуб: длинный и желтый. Нос старухи, своей формой и пористостью напоминавший чудовищных размеров гриб-мутант, с шумом и свистом втягивал в себя и выталкивал наружу горячий, продымленный воздух. Она была одета в старомодное платье с вышивкой, длиной чуть ниже колен. На ногах – тухлявые башмаки с острыми загнутыми носами. Ноги у старухи были разные. Одна обтянута сухой пожелтевшей волосатой кожей. Другая – без кожи вовсе. Просто белая матовая кость. В башмаке.

Мальчик громко, пронзительно завизжал.

– Человеческий детеныш, – констатировала старуха. – Где вы его взяли?

– Мертвец принес из Чудо-Града, – откликнулось из темноты у нее за спиной чихавшее существо. – Мы его сейчас съедим.

Старуха протерла слезящиеся глаза неожиданно белоснежным шелковым платочком, шамкнула несколько раз беззвучно, словно пробуя какое-то невысказанное пока слово на вкус, и захихикала – неприятно, с присвистом.

– Нет, – все еще хихикая, сказала она.

– Как это – нет? – изумилось существо и, шагнув из темноты, приблизилось к Мальчику.

Следом за ним, громко топоча босыми ступнями по дощатому полу, на свет выбежала целая стайка малюсеньких суетливых карликов, с кривыми ногами и непропорционально большими головами.

- Нас тошнит, тошнит! – запищали карлики.

- Что значит – нет? – снова спросило существо, три раза оглушительно чихнуло и тут же – вдогонку – рыгнуло.

- Да то и значит, – сварливо ответила старуха. – Не надо его есть.

- Почему это? – существо повысило голос.

- Потому что я против. Он мне нравится.

- Но... если мы его не съедим... что же мы с ним будем делать?

- Оставим у нас. Будем воспитывать. Я могу взять его к себе, – сказала старуха. – Я люблю маленьких мальчиков. И, кстати, снимите его с костра. А то он и вправду сейчас поджарится.

- Не сниму, – ответило существо. – Я есть хочу.

- И мы, и мы хотим есть! – завопили карлики.

- Ну тогда я сама, – сказала старуха, и ловко подцепив Мальчика большими когтистыми руками, сняла его с костра и положила на пол рядом с собой.

- Ах, ты старая карга! – заорало существо и бросилось на старуху. – Сука! Уродина одноногая!

Какое-то время они катались по полу, нанося друг другу слабые неуклюжие удары. Карлики, повизгивая, повалились сверху и тоже принялись дубасить и их, и друг друга мелкими кулачками.

Мальчик лежал неподвижно и смотрел.

– Ну ладно, хватит уже, Костяная, – устало просипело из клубка подергивающихся тел волосатое существо.

– Согласна. Хватит уже, Лесной, – пыхтя, откликнулась старуха.

– Эй, отвалите! – прикрикнул Лесной на карликов.

Те продолжали самозабвенно молотить кулаками.

– Я вам что велел?! – угрожающе тихо сказал Лесной.

Карлики, испуганно залопотав, отползли в стороны. Только один продолжал увлеченно долбить кулачком старухину ногу-кость.

– Ты меня не слушаешься, – мягко, по-отечески сказал ему Лесной. – Сейчас я тебя убью.

Двумя пальцами он обхватил тоненькую шею карлика и поднял его в воздух. Карлик, испуганно пища, задрогал ногами. Лесной сжал пальцы. Писк перешел в хрип. Лесной сжал сильнее. Несколько раз конвульсивно дернувшись, карлик тихо обмяк в его руке.

– Будете знать, – назидательно произнес Лесной и бросил маленькое бездыханное тельце на пол, рядом с Мальчиком.

Старуха задумчиво посмотрела на трупик, потом на Мальчика. Повернулась к Лесному и сказала:

– Послушай. Насчет детеныша. Пусть нас Бессмертный рассудит.

* * *

– Мальчик, ты чей? – снова спросил Бессмертный громким сиплым шепотом.

– Я... Я – мамин, – ответил Мальчик.

– Господи, что за дурак! – устало просипел Бессмертный. – Ну, хорошо. Как тебя зовут?

Мальчик промолчал.

– Как, говорю, тебя звать, мальчик? – Бессмертный постарался шептать громче.

– Нельзя говорить незнакомым людям свое имя, – ответил Мальчик.

– Ваня его зовут, – вмешалась старуха.

– Молчи, Костяная. Я пока тебя не спрашивал.

– Я не Ваня, – обиженно сказал мальчик.

– Ты ври, ври, да не завирайся, – сказал Бессмертный. – Что значит – «не Ваня»? Ты же мальчик?

– Мальчик.

– Человек?

– Человек.

– Ну так значит ты – Ваня. Только ты мне об этом сам должен сказать. Давай еще раз. Я тебя спрашиваю: как тебя звать, Мальчик?

– Незнакомым людям...

– Да ты, Ваня, не беспокойся. Я не человек, – ухмыльнулся Бессмертный. – Так что ты вполне можешь мне представиться. Итак. Скажи мне, как тебя зовут?

– Я не Ваня, – тихо сказал Мальчик, и его губы сами собой скривились, хотя он очень старался не заплакать.

Крупные горячие слезы потекли по лицу, предательски повисли на кончике носа и подбородке.

Бессмертный тяжело вздохнул и раздраженно махнул рукой.

Он был очень стар, невероятно стар. Настолько, что мог говорить только шепотом. Настолько, что через его изможденное тело при желании можно было разглядеть предметы, которые стояли позади. Тощие, почти прозрачные руки и ноги непрерывно тряслись: вероятно, он страдал болезнью Паркинсона. Яйцевидная, лысая, обтянутая тонкой пленкой кожи голова непроизвольно кивала, словно все время соглашалась с чем-то.

Бессмертный повернулся к старухе:

- Слушай, да на кой черт он тебе сдался? По-моему, он абсолютный дурак.

- Он еще маленький, - сказала Костяная. - С возрастом он изменится.

Бессмертный посмотрел на нее без всякого выражения своими древними выцветшими глазами и несколько раз кивнул - не в знак согласия, а так, от старости.

- Отдай мне детеныша, Бессмертный, - продолжила старуха.

- Что ты будешь с ним делать?

- Я его воспитаю. По нашим законам.

- Зачем тебе это?

Старуха нахмурилась. Потом сказала неохотно:

- Было одно предсказание.

- Ай, да что мне эти твои предсказания... - раздраженно, одними губами прошелестел Бессмертный. - Устал я. Дай-ка присяду.

Бессмертный отступил в темноту и завозился там, кряхтя. Задел что-то: послышался звук разбитого стекла.

– Да включите вы свет нормальный, ебен-ть! – зашипел Бессмертный. – Шею можно сломать.

Костяная отступила в темноту, к стене, нащупала выключатель и ткнула в него длинным скрюченным ногтем. С десятков продолговатых трубочек-ламп дневного света, жужжа, засияли на потолке. В помещении стало ядовито-светло, как в операционной. Карлики сморщились и запищали, заслоняя маленькими ладошками глаза.

– А костер потушите, – устало прошептал Бессмертный.

– Как это – потушите? – взвизгнул Лесной. – Да что же это такое делается? А зажарить? А съесть?

– Какой-то ты сегодня чересчур кровожадный, Лесной.

– Да я...

– Он гномика убил! – завопили вдруг хором карлики. – Он троллика убил! Троллика-гноми-ка! Гномика-троллика!

Бессмертный брезгливо покосился на труп карлика на полу.

– За что ты его?

– Да вот... Ослушался.

– А, ну-ну, – Бессмертный зевнул. – Пойду я, наверное, восвояси. Спать хочется. Да и девка у меня там...

– Гномика! Троллика! – визжали карлики.

– Заткнитесь, – сказал Бессмертный и направился к выходу. – А ты это... – он повернулся к Лесному. – Ваню не трогай. Пусть остается.

Дверь за стариком медленно, со скрипом закрылась.

– Ха. Ха. Ха. – громко и зло сказала старуха. – Ну что, съел?

– Да иди ты... – отмахнулся Лесной.

– Вот и пойду, – сказала Костяная. – Пойдем, Ваня.

Она взяла Мальчика за руку и вывела на улицу.

Лесной посмотрел им вслед. Невесело сплюнул на бревенчатый пол.

– Ну-ка, вы, шестеро, идите сюда! – приказал он карликам.

Они нерешительно подошли.

– Знаете, что это? – Лесной продемонстрировал им длинный железный прут, заостренный на концах.

– Волшебная палочка?

– Нет. Не угадали. Это – шампур.

Карлики стояли словно парализованные и испуганно рассматривали прут.

– Сампур, – тихо шепелявя, повторил один из карликов.

Лесной по очереди насадил их на острие и, медленно поворачивая над угасающим костром, зажарил.

VI. Путешествие

В гостиничном номере, который снял Кудэр, было даже довольно уютно. Все в светло-бежевых тонах, на стенах – какие-то жантильные пейзажики в аккуратных картонных рамочках. Кроме того, там был маленький холодильник с мини-баром, телевизор и, главное, – ванна. Настоящая, большая, нелепая светло-розовая ванна, которую он на две трети заполнил водой.

Он не принимал ванну уже больше недели, и теперь ему захотелось оттянуть удовольствие. Когда воды набралось достаточно, Кудэр завинтил кран и вернулся в комнату. Засунул в холодильник отцовские полужелтые бананы, четыре сникерса, упаковку колбасы и картонную коробочку с каким-то хитрым плавленым сыром, начиненным перцем, чесноком и укропом. Разложил на журнальном столике купленные по дороге бинты, вату, обезболивающее и мазь от ожогов. Потом вытащил из бара запотевшую зеленую бутылку с пивом, открыл, с наслаждением прислушался к короткому дружескому шипению и, зажмурившись, слизнул с ледяного горлышка мягкую горьковатую пену. Потянулся за пультом, включил телевизор. Сделал два больших глотка пива и развалился было в большом плюшевом кресле в углу, но мысль о ванне – о теплой, прозрачной, готовой принять его в себя, укутать, запеленать и укачать, как грудного младенца, воде, – уже через пару секунд согнала его с места. Кудэр отнес недопитую бутылку в ванную и поставил на белый кафельный пол, в маленькую блестящую лужицу воды.

Потом он разделся догола, поморщившись от запаха собственного тела, открыл две маленькие гостиничные упаковки с шампунем, и еще две – с крохотными вонючими брусками мыла, отправил содержимое всех четырех упаковок в воду и, не стараясь даже убрать с лица идиотскую ухмылку, забрался в ванну сам.

Наслаждения не было. Только обидная, острая боль в руке. Соприкосновение воспаленной, полопавшейся кожи с мылом и хлоркой. Почти плача, Кудэр нашарил в мгновенно почерневшей воде растаявший мыльный кусочек, вынул из ванны пробку, включил душ и здоровой рукой намылился, размазывая по незнакомому волосатому телу коричневую слякоть.

Наконец выключил кран и неловко выбрался из ванны, опрокинув злосчастное пиво на пол. Пиво, которое он собирался прихлебывать из горлышка, нежась в теплой воде. Выругавшись, Кудэр сдернул с батареи белое махровое полотенце и, случайно задев жесткими накрахмаленными ворсинками ошпаренную руку, скривился от боли.

Волдыри выглядели хуже, чем с утра. Он не смог бы даже объяснить, чем именно хуже, но что-то явно было не так. Цвет, размер?.. Приглядевшись повнимательнее, Кудэр наконец понял, что изменилось. Маленькие, ярко-розовые, как поросычья шкурка, пятнышки, которые он обнаружил на руке утром, теперь поблекли, помутнели и приобрели какой-то сизо-зеленоватый оттенок.

Кудэр покрыл больную кисть густым слоем мази и плотно замотал бинтом.

Боль немного утихла.

* * *

В номере стало душно. Он открыл настежь окно, но и там, на улице, воздух был теплым и влажным, как в парной. Кудэр посмотрел вверх – на темные, маслянистые и густые, как ртуть, тучи. И тут же почувствовал, как от этой небесной свинцовой тяжести у него начинает болеть голова.

Он проглотил две таблетки обезболивающего и, не одеваясь, растянулся на широкой, пружинистой кровати – прямо поверх покрывала. Уже засыпая, он услышал отдаленные громовые раскаты и скорее почувствовал, чем увидел, как за окном полыхнула молния. Начался ливень. Крупные частые капли падали на крыши домов, на газоны и на асфальт с треском и громким шипением. Звук был такой, как будто там, снаружи, кто-то готовил на безразмерной раскаленной сковороде гигантскую яичницу...

«Дождь – это хорошо, – подумал Кудэр сквозь сон, – станет легче... кому-то станет легче... даже если в легкой одежде... и ночью... лес...»

...Я была там, в лесу. Моросил дождь, но облака не заслоняли луну; она была яркой и белесовато-желтой, точно лампа дневного света. Жирные, раскормленные воробьи и голуби облепили всю тропинку. Их мокрые перья топорщились в разные стороны, обнажая участки тонкой, полупрозрачной птичьей кожи.

Они клевали хлебные крошки, копошились и дрались прямо у моих ног. Они не боялись меня – они попросту меня не замечали. Большой белый голубь, закрыв от удовольствия круглые змеиные глаза, давился хлебной коркой, опершись прямо на мою ногу своей прохладной перепончатой лапкой. Я пнула его в бок. Продолжая давиться, голубь недовольно курлыкнул и клюнул меня в косточку на щиколотке.

Дождь усиливался. Я была одета в тонкое летнее платье, и оно неприятно липло к спине и животу. Я стояла на тропинке давно. Я очень замерзла.

Зато я была собой.

Наверху что-то затрещало; поползла по швам плотная небесная ткань, приоткрыв на секунду ослепительную электрическую белизну по линии разрыва. Затем снова склеилась, срослась.

Напуганные молнией, птицы разом поднялись в воздух. Покружили немного над тропинкой и исчезли, точно растворившись в воздухе. Я наклонила голову и пригляделась. Крошек на земле не осталось – они склевали все.

А потом я услышала, что кто-то медленно идет по тропинке, приближаясь ко мне. Я не видела кто. Я пыталась убедить себя, что бояться нечего. Вряд ли это был кто-то большой или агрессивный: слишком тихо и неуверенно звучали шаги.

Я вглядывалась в темноту, а шаги все приближались и приближались. Наконец он медленно вышел на освещенный участок тропинки.

Теперь я знала, кто это был. Мальчик.

Мой сын.

Он подошел ко мне. Его босые ноги утопали в грязи. Он казался совсем худеньким и очень, очень бледным в свете луны. Его голова была гладко выбрита.

– Я так старался вернуться домой, мама, – он говорил ровным, бесцветным голосом. – Я хотел вернуться по крошкам. Но кто-то убрал все крошки, которые я

разбросал. Когда взошла луна, я отправился искать дорогу. Я искал ее, искал... Но так и не нашел. Потому что не было крошек.

- Тысячи птиц летают в лесу и в поле, - ответила я сыну. - Они-то все и склевали.

- Погладь меня по голове, мама. - Он смотрел остановившимся взглядом куда-то в ночь, сквозь меня.

Я осторожно погладила его по безволосой голове - кожа под моей рукой была шершавой, холодной и мокрой. Я отдернула руку и заплакала.

- Не плачь, мама.

Он опустил на корточки и закрыл свою голову руками, заслоняясь от дождя.

- Я не могу вернуться домой. Может быть, ты придешь ко мне, мама?

- Прости меня, - я плакала, и слезы смешивались на моем лице с дождевыми каплями. - Прости.

- Пойдем со мной. Пожалуйста, пойдем со мной, - он говорил устало и безразлично.

- Куда? Куда нам идти? - кажется, я говорила так же.

- В Убежище.

- Но я не знаю, где оно.

- Это в России. Тебе нужно вернуться в Россию.

- Как мне найти там Убежище?

- Три-девять, - сказал он и улыбнулся, продолжая таращиться в пустоту. - Такой адрес: три-девять. Убежище Тридевятых...

Он говорил еще что-то, но я уже не могла слышать его. Ощетинившись, превратившись в одну большую темную кляксу, лес начал выталкивать меня из себя; тропинка у меня под ногами вдруг вся размякла, стала жидкой, стала грязным потоком, и этот поток подхватил и поволок меня куда-то, вниз, вверх, во все стороны сразу – наружу...

Подушка Кудэра была мокрой от слез. И спина тоже намочила: капли дождя, дробясь об оконную раму, отскакивали под прямым углом и летели на кровать, и на пол, и на тумбочку из светлого дерева. Он перевернул подушку другой стороной, забрался под покрывало и заснул снова – глубоким, тяжелым сном без сновидений.

* * *

Кудэр спустился к завтраку к девяти. Доверху набрал тарелку, положив туда столько колбасы, ветчины, сыра, помидоров, булочек, яиц и крекеров, сколько могло уместиться. Потом еще взял кукурузных хлопьев с молоком, несколько йогуртов и пару стаканов апельсинового сока. Но, уже усевшись за стол, с грустью понял, что аппетита у него нет. Он поковырялся в кукурузных хлопьях, очистил яйцо и надкусил. Желток внутри почему-то был совершенно синим. Почувствовав приступ тошноты, Кудэр отодвинул тарелку. Глотнул сока – слишком теплого, слишком кислого. Посидел еще немного за столом и пошел к себе в номер.

Он сел в плюшевое кресло и включил телевизор – просто чтобы не быть в тишине. До половины выкурил сигарету, закашлялся. Кружилась голова. Он закрыл глаза, снова затянулся и почувствовал, как тяжелые волны – мутные ритмичные волны, поднимавшиеся внутри него, от желудка к легким, от легких к горлу, – неприятно качают его, вверх-вниз, вверх-вниз, усыпляя, убивая его тело.

Его тело. Судя по всему, оно чем-то болеет, это тело, а может быть, умирает.

Эта мысль его не встревожила. Почему-то не было страха – так же, как не было удивления, когда случилась сама подмена. Когда она оказалась внутри этого

неприятного, потного, хрипящего человеческого мешка.

«Трансформированный»... так, кажется, сказал одноглазый человек на вокзале. Маша-растеряша... Все потеряла... Потеряла себя.

А теперь еще эта рука. Кудэр с трудом поднялся, размотал бинт – последний слой накрепко прилип к коже – и почувствовал слабый, едва уловимый запах гнили. Он осмотрел кисть. Лопнувшие волдыри от ожога превратились в зеленоватые нарывы. Впрочем, боль уменьшилась. Он снова намазал руку мазью и замотал чистым куском бинта.

Потом спустился вниз, на ресепшен, и попросил градусник у вертлявого рыжего немца, мрачно изучавшего порнографический журнал. Рыжий, вздрогнув, оторвался от чудовищной папуасской чаровницы – с толстым морщинистым животом, обвислыми черными грудями и гигантским кольцом в сплюсненном носу – и медленно удалился. Через пару минут он действительно вернулся с градусником, сунул его Кудэру и, сморщив в улыбке конопатую мордочку, сказал:

– You look really bad.[9 - Вы действительно неважно выглядите (англ.).]

– I think I'm sick,[10 - Кажется, я заболел (англ.).] – ответил Кудэр.

– May be I should call a doctor?[11 - Может, позвать врача? (англ.)]

– No. Nein, bitte.[12 - Нет. Нет, пожалуйста (нем.).]

– ОК. – Немец поднял на него бессмысленные небесно-голубые глаза и снова уткнулся в свой журнал. – Have a nice day.

Обливаясь потом, Кудэр вернулся в номер и измерил температуру. 38, асе 7.

Он лег на кровать и уставился в телевизор, бодро стрекотавший с самого утра. На экране суетилось несколько невыразительных человечков в пиджаках и галстуках. Сначала они неистово пожимали друг другу руки, надолго сцепляя пальцы, картинно застывая в рукопожатии под вспышками фотоаппаратов. Потом неторопливо расселись за круглым столом, зашелестели бумагами,

заговорили поочередно в микрофоны. Внизу экрана красовалась надпись «Прямая трансляция». Не то заседание правительства, не то какие-то переговоры – понять было невозможно... Противный стрекочущий голос за кадром комментировал происходящее по-немецки, а Кудэр знал на этом языке не больше десяти слов.

Он уже потянулся за пультом, чтобы переключить канал, как вдруг одна из «говорящих голов» в углу экрана привлекла его внимание. Худой человек с землистым лицом, с маленькими, вечно опущенными глазками... он казался очень знакомым. Несколько секунд позже человек отхлебнул из стакана воды и, не отрываясь от бумажки, заговорил. Камера поползла вправо, лениво зацепила его, прицелилась. Наплыв – и вот уже почти весь экран заполнило угрюмое неподвижное лицо, обтянутое серой, пористой, в оспинах и угрях, кожей. Кудэр приподнялся на кровати, сделал громче звук и – да. Да. Этот человек говорил по-русски. Кудэр узнал его. Имя так и не вспомнил, но это лицо... Он. Новый российский президент.

Кудэр поставил звук на максимум, но речь президента, заглушаемую бодрим немецким переводом, все равно слышал лишь отчасти. ...Дать оценку проделанной работы и наметить основные направления развития страны... Затронуть ряд принципиальных идеологических и политических вопросов... меры, направленные против олигархических группировок, обладающих неограниченным контролем над информационными потоками и обслуживающих исключительно собственные корпоративные интересы... Важнейшая задача в сфере государственного строительства – укрепление Российской Федерации... Построение эффективного государства в существующих границах... Оптимизация управления... Кадровые перестановки на всех уровнях... государственные силовые структуры... Федеральная служба безопасности будет полностью реформирована...

От мерцания экрана заболели глаза. Кудэр зажмурился, сжал гудящую голову руками и постарался сосредоточиться, понять, о чем все-таки речь, но смысл ускользал от него. Слова, обильные и бессвязные, мелкими, горячими каплями просачивались в мозг, обжигали его и растворялись без следа.

...Восстановить целостность страны... нам нужна сильная армия... сильная страна... единая, неделимая...

Пот тонкими теплыми струйками стекал по лбу, щекотал брови.

«У меня лихорадка. И бред», – подумал Кудэр. За ровным, безжизненным голосом президента ему явственно слышался еще один голос, женский. Тихо, слегка картаво эта женщина произносила свои, совсем другие слова.

* * *

...Единая, неделимая Россия... – Выгляжу я, честно говоря, так себе. Не лучшим образом выгляжу. Я такая, знаете, в шляпе, зеленой, войлочной, и в фиолетовом демисезонном пальто с большими позолоченными пуговицами... – Что касается состояния экономики и финансов страны... – Еще я в синей клетчатой юбке, а под ней у меня поддеты теплые шерстяные колготы: ну, такие, как в детстве носят, в садике. Хотя я уже не девочка... – Экономика России вошла в стадию стагнации... жесткие меры и даже, возможно, шоковая терапия... – У меня резкий запах. Когда я снимаю пальто, это хорошо заметно. От меня пахнет сладкими застарелыми «Шанэль № 5» и чем-то подгнившие-цитрусовым. Летом я храню пальто в сундуке с сушеными апельсиновыми корками, чтобы моль не завелась, – может, поэтому... – А не влачить жалкое существование, позорное для страны с такими внутренними ресурсами, как Россия... на фоне тяжелейшего экономического спада, нестабильных финансов... – Зрение у меня минус четыре. Я ношу очки в роговой оправе. Чтобы их не терять, я просверлила в дужках две аккуратные дырочки и туда вставила цепочку...

Кудэр открыл глаза и уставился на экран. Президент продолжал говорить. По левую руку от него сидела неопределенного возраста блондинка в строгом клетчатом костюме и рассеянно листала какую-то тетрадь – или блокнот...

Наконец он умолк. Кто-то из присутствующих (сонное лоснящееся лицо лишь на секунду мелькнуло в кадре) заговорил вопросительно по-немецки. Блондинка усердно застрочила в толстом блокноте, потом, склонившись к президенту, почти касаясь его ужасной кожи, зашептала в ухо перевод. Президент кивнул, отхлебнул из стакана, бросил быстрый взгляд в камеру и снова уткнулся в свои бумажки. Стал отвечать.

Кудэр внимательно следил за тем, как он читает, как открывает и закрывает рот, как двигаются его губы – и слышал теперь, вроде бы, только те, нормальные, «президентские» слова. И вот тогда, уже почти поверив, что все остальное ему только померещилось в болезненном полузабытьи, – тогда он заметил. Алакрез.

Есть такой прием в фотографии. Его очень любил один Машин коллега-фотограф – сама же она редко им пользовалась, потому как занималась в основном репортажной съемкой, а «алакрез» предназначался для художественных изысков... Так вот, есть такой прием. К объективу фотоаппарата подносится маленькое зеркальце. Так, чтобы оно заслоняло объектив, скажем, наполовину, или на треть. Зеркальце нужно поворачивать, найти наиболее интересный ракурс, «вписать» отражение в реальную перспективу и – щелк... у вас получается странная, волшебная фотография. Через нее, едва различимый, тянется шов реальности и сна. В ней – все, что было в кадре, и еще что-то сверх – нежное, расплывчатое, полупрозрачное, – бонус с того света. Скромный привет из зазеркалья. Похожего эффекта можно добиться, если снимать два кадра подряд, не перематывая пленку, – похожего, но грубее. Без волшебства. Тогда это будет просто мультиэкспозиция. А с волшебством – алакрез. Зеркала...

На экране телевизора, помимо основного изображения, Кудэр увидел еще что-то. Губы президента, – которые шевелились, причмокивали, отхлебывали, складывались в трубочку, – эти губы иногда тускнели, полурасстворялись, и их заслоняли вроде бы те же самые губы – но только совершенно неподвижные, бледные, плотно сжатые. Он не говорил. В одной какой-то нечеткой, расплывчатой, зеркальной телепараллели он сидел совершенно неподвижно и молчал. Зато говорила она – женщина, сидевшая рядом.

Вот она пишет в блокнот, уважительно склоняется к его уху, тихо шепчет, поправляет свои очки в изящной, тончайшей золотой оправе... И в то же время – она говорит, пристально глядя прямо в камеру. Про шляпы, юбки и апельсиновые корки. И нет никакого блокнота. И нет изящных очков и светлых волос. Подтянутую универсальную блондинку, двоясь, расплываясь, заслоняет плохо одетая широкоскулая улыбающаяся тетка. На ней огромные очки в роговой оправе, а из-под идиотской шляпы торчит пучок рыжих, выкрашенных хной волос.

...Нос у меня совершенно нормальный, хотя некоторым он кажется длинным. На самом же деле рот – главная моя неприятность. Вот он действительно длинный. Тянется через щеки прямо к ушам, отчего я немного похожа на лягушку. Губы у меня довольно тонкие, но при этом сочные и с синюшным оттенком. А когда я открываю рот, сразу заметно, что у меня отколот кусочек переднего зуба. Еще я очень сутулюсь, и у меня даже что-то вроде маленького горба. Совсем маленького – если не приглядываться, то и не видно... – ...более эффективная социально-экономическая политика... Результатом чего будет являться экономический подъем... факторы роста...

Страшно заболела голова. Кудэр на секунду отвел глаза от экрана, а когда посмотрел на него снова, все изображение превратилось в одну мельтешащую, дробящуюся на маленькие квадратики-пиксели муть. Вспомнилось одно школьное развлечение...

Перемена. Маша сидит на парте, держит в руках какой-то листок. Из-за ее плеча на листок таращатся другие дети. «Посмотрите на картинку внимательно и попробуйте разглядеть в ней жирафа», – читает она надпись внизу. А там точки. Там нет никакой картинки, никакого жирафа – только точки, маленькие, черненькие, назойливые. «О! Я вижу!» – радостно вскрикивает сзади какая-то девочка. «И я!» – «И я», – «Ух ты! Действительно – жираф!» Они все видят. Она – нет. Никогда. Ни разу. Она не увидела жирафа за этими точками. Потому что, кроме точек, там ничего не было. Но не могли же они все врать?

Кудэр сощурил слезящиеся глаза. Посмотрите в телевизор внимательно и попробуйте разглядеть в нем своего президента. И какую-то бабу, которая говорит за него. Это даже проще, чем увидеть жирафа... Это ведь не точки... Это не дети... Просто высокая температура... Вот он, жираф... Просто бред... бред...

Телевизор, и тумбочка, и вся комната – все это вдруг рывком дернулось, точно тронулся какой-то невидимый поезд, и медленно поплыло у него перед глазами. А потом стало темно; остались лишь яркие вспышки-крапинки – желтые и красные отметины на сетчатке.

...До сих пор не установлены имена людей, – хором сказали в темноте два голоса, мужской и женский, – которые покушались на мою жизнь...

Немецкий перевод заглушил конец фразы. Кудэр несколько раз моргнул, но черная пелена перед глазами только сгустилась.

...Абра кадабра, мы везли кадавра, – нараспев, чуть картавя, заговорил женский голос, и никто не стал переводить. – Ать два ать, на базар продавать, с дыркой во лбу, да в дешевом гробу... Абра кадабра

Мы везли кадавра

Красавчика-покойника

Везли себе спокойненько

Но казаки-разбойники

Крибле крабле

В дороге нас ограбили

И абра кадабра

Украли кадавра

Крабле бум

С дыркой во лбу

Абра кадабра

Мы везли кадавра

Ать-два ать

На базар продавать

Крибле да крабле

В дороге нас ограбили

Крабле да крибле

Остались мы без прибыли.

Абра кадабра

Мы везли кадавра...

Кудэр ощупью нашел на телевизионном пульте кнопку выключения и, уже теряя сознание, ткнул в нее пальцем.

* * *

...Дети очень устали и сильно проголодались: ведь кроме ягод, которые они собирали по дороге, у них не было ни куска во рту. Но они все шли и шли – пока наконец не добрались до какой-то избышки. Подошли дети ближе, видят – избышка-то не простая: она вся из хлеба сделана, крыша у нее из пряников, а окошки – из сахара.

Вытянулся Гензель во весь рост и отломил кусочек крыши, а Гретель стала лакомиться окошками. Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок:

– Кто там ходит под окном? Кто грызет мой сладкий дом?..

VII. Путешествие

Кудэр околачивался на Кельнском вокзале уже несколько дней – и все еще не видел ни одного подходящего лица. Уже с трех часов он начинал попеременно заходить в каждую вокзальную забегаловку – пил кофе в одной, покупал арабский дёнер в другой, брал холодный длинный сэндвич с ветчиной, листом салата и сыром в третьей, хрустящий крендель с инкрустированным сердечком апельсинового желе – в четвертой... Все это имело одинаковый кисло-горький вкус. Все это он не мог есть.

Русская речь слышалась повсюду. Русские сидели практически в каждом кафе – и с каждым часом их становилось все больше. Кудэр вглядывался в их лица – пристально, нагло, устало. Потом тащился в вокзальный туалет и точно так же рассматривал в зеркале собственное лицо – в сотый, в двухсотый раз стараясь мысленно сфотографировать его. Чтобы эти черты намертво отпечатались в мозгу. Чтобы больше не казались чужими.

Выйдя из туалета, он возвращался обратно – смотреть, искать. Но не видел никого подходящего. К шести вечера прожорливая русскоязычная толпа,

увешанная чемоданами и рюкзаками, заполняла собой, казалось, все вокзальные фастфуды; а в семь исчезала бесследно. В семь уходил поезд Кельн – Москва...

– Бонжур, Мари!

Это было на третий день. Днем. До поезда оставалось еще много часов, но Кудэр зачем-то притащился на пустую платформу – ту, с которой этот поезд уходил каждый день. Присел, сгорбившись, на скамейке. Закурил.

Чьи-то шаркающие шаги раздались чуть в стороне – ближе – еще ближе – совсем рядом с ним. Кто-то стоял у него за спиной и смотрел ему в затылок. Возможно, собирался ударить. Задушить. Или раскроить череп. Кудэр не оглядывался: ему было лень шевелиться. Ему было все равно. И только после того, как он услышал это:

– Бонжур, Мари!

...только тогда он повернул голову.

Низкорослый седой старичок с бельмом на глазу улыбался ему гнилой улыбкой.

– Маша-растеряша! Маша-растеряша! У-у-у! – старичок показал Кудэру белесый язык. – Чего же ты тогда убежала, в Париже-то? Я ведь не кусаюсь...

В Париже... ну да, действительно, в Париже. Сумасшедший одноглазый клошар – и с ним тогда был еще один...

– Чего тебе надо? – Кудэр вскочил на ноги. – Ты что, следишь за мной? Ты кто вообще?

Старик захихикал.

Кудэр резко протянул руку и, перегнувшись через скамейку, схватил его за ворот грязной рубахи, надетой наизнанку. Маленькая слюдянисто-белая пуговица нежно звякнула об асфальт и неслышно покатила по перрону.

– Я тебя спрашиваю, ублюдок, – прошипел Кудэр и с силой встряхнул старика. – Ты кто. На хуй. Такой.

– Ой какие мы нервные! – старик с трудом говорил сквозь смех. – Ой какие мы плохие слова знаем! Разве приличные дамы говорят такие слова?

– Я тебе сейчас мозги вышибу, – прошипел Кудэр.

– А-а-а, как страшно! – радостно взвизгнул старик. – Ой, мамочки мои! Ой, хи-хи-хи! Люди добры-яя! Убива-юют!

Кудэр выпустил из рук воротник.

– Ну вот, совсем другое дело. Позвольте представиться, – старик согнулся в три погибели, ернически раскланялся, помахивая воображаемой шляпой, – Алекс. Мы, впрочем, уже виделись. Я имел честь быть представленным вам на вокзале Paris Nord. Кстати, мы и без того знакомы уже довольно давно, и если вы будете столь любезны и дадите себе труд... – он снова хихикнул, – ...ну ты, короче, меня знаешь, Маняша. Напряги свои извилины, вспомни. Алекс. Леша. Дядя Леша.

– Да какой, к черту... дядя? – Кудэр медленно опустился обратно на скамейку. – Что вообще происходит?

Неожиданно злость прошла. Вместо нее навалилась усталость – свинцовая, невыносимая, смертельная.

– Что происходит – это, Маш, философский вопрос... угощайся, – Алекс уселся рядом, вытащил из кармана пачку «Житана» без фильтра, протянул Кудэру.

Тот взял. Закурили.

– Эх, Маша, Маша... Растеряша... Маня-Ма-няша... Манья. Знаешь хоть, кто такая Манья?

– Кто?

– Манья – безобразная старуха с клюкой, – сообщил Алекс. – Она бродит по свету, ища погубленного ею сына... Это, между прочим, не я – это уважаемый Владимир Иванович Даль сказал. Аж в 1881 году. Так то.

Кудэр молча уставился в землю. Заметил, что стоптанные, дырявые ботинки у его собеседника надеты не на ту ногу: правый – на левую, а левый – на правую...

– Он уже некоторых потихоньку туда перетаскивает, – задумчиво сказал Алекс.

– Кто... он?

– Ну не Даль же! Наш Мальчик. Кто же еще?

– Я не понимаю. Не понимаю. Я совсем... я вообще не понимаю, о чем ты говоришь. Что значит «перетаскивает»? Куда? Что ты знаешь? Объясни.

– А волшебное слово? – Алекс мрачно ухмыльнулся.

– Пожалуйста. Пожалуйста, объясни мне, – покорно сказал Кудэр.

– Объясню, только ты сначала отгадай мою загадку.

– Какую еще загадку?

– А вот какую: живая живулечка, сидит на живом стулечке, живое мяско тербит.

– Не знаю.

– Э-э-э, да ты же даже не подумала, Маша. Ты знаешь, знаешь! Ну?

– Нет. Я не знаю. Я сдаюсь. Что это?

– Не «что», а «кто», глупая. Это грудной младенчик. Давай другую загадку...

– Пожалуйста. Ну не умею я загадки разгадывать. Скажи... скажи мне хоть что-нибудь.

– Плохие времена наступают, дорогая моя. Мальчик – ты знаешь, я его не слишком-то люблю... но в чем-то он прав, – так вот, он хочет взять некоторых в Убежище. Тебя вот... Мужика твоего. Ну и нас, конечно. Честно говоря, не думаю, что из этого что-нибудь путное выйдет... Но не исключено. Он уже многому научился – у нас. По крайней мере, трансформировать, – Алекс насмешливо взглянул на Кудэра, – он явно умеет недурно... Отличный нищий из тебя получился. Или – отличная Манья...

– Кто такие «вы»? Кто такой Мальчик? – прошептал Кудэр.

– Кто мы – это тоже философский вопрос. Мы... Нечистые. В лесу живем – так ведь? А еще в некоторых из вас живем. Ну, по крайней мере, – вылезаем... Ладно, не суть. Неважно. А Мальчик, – Алекс посмотрел Кудэру в глаза своим заплывшим бесцветным глазом, – он ведь сынок твой, Маша... Которого ты нам отдала. Лет уже этак пять назад. Вспоминай, вспоминай, ну? И меня вспоминай. Мы с тобой познакомились – ты еще с животом ходила. Вспоминай, дурочка... Ты теперь можешь. Твое тело теперь как помойка – специальная такая помойка для всяких воспоминаний. Загляни в себя. Тебе совсем недолго осталось... так что нечего время терять. Ну, все. Увидимся.

Старик поднялся со скамейки и пошел прочь. Не оборачиваясь, махнул тощей желтой рукой на прощанье.

Кудэр устало посмотрел ему вслед. Выбросил окурок на землю, съежился на скамейке, закрыл глаза и наконец заглянул – в себя. С отвращением и любопытством поворошил вонючий, полусгнивший мусор чужого прошлого.

– Действительно – помойка... – сказал сам себе тихо.

Вспомнил.

На даче...

* * *

...На даче она его видела. Давным-давно. Ну, конечно, – на даче «у черта на рогах». До Звенигорода на электричке. Дальше на автобусе или маршрутке – Дюдьково, Супонево, Ершово, Фуньково... Вот где-то за Фуньково. Остановка – «Пионерлагерь». Трехэтажное грязно-белое здание, огороженное черной решеткой. Большой серый пустырь: горки мусора тут и там, обуглившийся автомобильный остов, вросший в пыль и щебенку искореженными, проржавевшими своими внутренностями. И лес. Большой, хвойно-березовый, бесконечно занудный лес.

По этому лесу нужно было идти пешком еще минут сорок: дачный поселок находился прямо в чаще. Просто с десятков убогих бревенчатых домиков на поляне, в кольце мутно-коричневых комариных болот.

В одном из этих домиков Маша все лето снимала комнату – когда была беременной.

Хозяйка дачи... – как же ее звали? Выглядела молодо... Галина...

Галина Сергеевна, точно. Очень следила за собой.

Кожа на лице, медицинскими ухищрениями утянутая к ушам, была не юношески сухой, но гладкой и без единой морщинки. Умные, суетливые, неопределенного цвета глаза придавали ее лисьему, вытянутому в острый треугольничек лицу выражение потешной любознательности. Ну и, наконец, волосы. Такие прекрасные, густые, длинные. Переливающиеся и блестящие, цвета воронова крыла – это были волосы совсем молодой женщины.

Впрочем, реальный возраст Галины Сергеевны – а было ей далеко за шестьдесят – Маша при первой же встрече легко определила по рукам. Руки были старые, мелкоморщинистые, покрытые бурыми пигментными пятнами. Неприятные руки.

Кажется, она была какая-то странная. Странная, странная... Что-то такое она однажды сказала... или сделала...

Кудэр открыл глаза. Скрутил себе самокрутку, пару раз затянулся. Потом снова зажмурился, через яркий красно-желтый узор на сетчатке вгляделся туда, в свое темное нутро. В чужую жизнь, которую неопрятной грудой бессвязных эпизодов

кто-то свалил в его теле-контейнере.

Нащупать нужное – возможно, не так уж сложно. Был какой-то дурацкий разговор... Это? – нет, не то... И это – не то... Вот, вот оно! Нужное воспоминание: тяжело переваливаясь с ноги на ногу...

* * *

...точно ожиревшая утка, Маша вошла на кухню. Убедилась, что дяди Леша там нет: дядя Леша, хозяйкин муж, был психом, и Маша его побаивалась.

Медленно опустилась на деревянный икеевский стул. Положила руки на живот. Живот отозвался на прикосновение – напрягся, затвердел, застыл. В последнее время это происходило все чаще. В такие моменты Маше казалось, что у нее под кожей – большой стеклянный шар. Гладкий, твердый. Идеально круглый.

Это обозначало, что уже недолго. Недолго осталось ждать.

– Ты что-то какая-то бледненькая сегодня, – сказала Галина Сергеевна.

– Наверное, давление пониженное, – ответила Маша.

– Да, наверное. Давай я тебе кофе сварю? Оно хорошо давление повышает.

– Да нет, спасибо. Кофе, я думаю, не стоит. Вредно.

– Это почему это вредно?

– Ну, от него, во-первых, пульс учащается. А во-вторых... ну, вообще, вредно для малыша.

– Чушь это все! – бодро сообщила Галина Сергеевна, снимая с гвоздика над плитой маленькую серебристую турку.

– Да нет, врачи говорят...

– Не пугайся! – Галина Сергеевна включила кофемолку, и все другие звуки потонули в неистовом реве.

– Врачи говорят... – снова начала Маша, когда рев прекратился.

– А я говорю: чушь! – перебила Галина Сергеевна. – Я тебе вредного не предложу. От моего кофе ничего, кроме пользы, никогда не было...

– Ладно, – сдалась Маша.

– Я тебе сварю такой... со специями... – Галина Сергеевна, высунув от усердия кончик языка, сыпала в турку какие-то ароматные порошочки из разноцветных хрустящих пакетиков. – Будешь потом еще просить...

– Хорошо, хорошо, уговорили.

– Вот. – Галина Сергеевна решительно поставила на стол перед Машей чашку с черным дымящимся кофе. – Пей.

– А сливки у вас есть?

– Сливки? Какие еще сливки? Не-етушки. Этот напиток, милая моя, пьют без всяких там сливок.

Маша обычно пила кофе со сливками, но спорить было лень.

– Ну, хорошо, но сахар-то хотя бы можно добавить?

– Сахар там уже есть, – раздраженно ответила Галина Сергеевна. – Вообще все, что надо, там уже есть. Пей давай. А то остынет.

Маша подула на кофе и стала пить. Было действительно очень вкусно. Чувствовалась корица и еще какие-то пряности.

– Спасибо, Галина Сергеевна, – сказала Маша, отставляя чашку с осевшей на дне гущей.

- Не за что, Машенька. На здоровье.

Галина Сергеевна взяла чашку, повертела ее в руках.

- А хочешь, я тебе погадаю на кофейной гуще? - спросила она вдруг.

- Вы разве умеете? - удивилась Маша.

- Ну конечно, умею. Раз предлагаю. Так что - погадать?

- Ну, давайте, - вяло согласилась Маша. - Я, правда, в это все не очень-то верю...

- А это неважно, веришь ты или нет, - мрачно и как-то обреченно отозвалась Галина Сергеевна. - Сейчас, подожди-ка секундочку...

Она взяла блюдечко и опрокинула на него Машину чашку. Несколько секунд подержала так, плотно закрыв глаза и что-то беззвучно бормоча. Потом снова перевернула чашку вниз дном и уставилась внутрь, на замысловатые кофейные разводы.

- Ну что там? - спросила Маша тем же тоном, каким спрашивала у акушера-гинеколога о результатах очередного УЗИ матки.

Галина Сергеевна молчала, испуганно и как-то даже слегка восхищенно глядя в чашку.

- Что там? - занервничала Маша.

- Да вот... что-то не вижу почти ничего, - нехотя отозвалась хозяйка, и Маше сразу стало ясно, что та, наоборот, видит, и видит, скорее всего, плохое.

- Что-то не так? Скажите мне, пожалуйста. А то ведь я все время теперь буду думать, переживать...

- Да ты ведь сказала, что не веришь в такие вещи?

- Не верю... Но сейчас как-то мне... не по себе. Так что?

- Ну, хорошо. Ой, жарко здесь что-то... - Галина Сергеевна засунула свою старую дрожащую руку в молодые, блестящие в солнечных лучах волосы, зажала несколько темных прядей между пальцами и вдруг легким привычным движением сдернула все это сияющее великолепие с головы.

- Так это не ваши волосы, - растерянно прошептала Маша.

На гладком, молочно-белом, влажном от пота черепе Галины Сергеевны тут и там виднелись оазисы седого наэлектризованного пуха.

- Ну да - парик. Из натуральных волос, - не без гордости пояснила хозяйка. - Ты слушать-то будешь?

- Буду, - кивнула Маша, все еще разглядывая неожиданно открывшуюся хозяйкину лысину.

- Так вот. Родится у тебя мальчик, Мария...

- Это я и так знаю. На УЗИ говорили.

- Если ты будешь перебивать, я больше ни слова не скажу, - обиделась Галина Сергеевна.

- Ой, простите, простите. Не буду.

- Родится у тебя мальчик. Красивый мальчик. И будет ему имя - Иван.

- Ну уж нет, - снова встряла Маша. - Я назову его Яша - в честь моего папы.

- Не перебивай меня. Иван будет его имя, как бы ты ни назвала его, глупая. И будет он тебе хорошим сыном - да только вот ты будешь ему плохой матерью. И будет он умным, веселым и здоровым, пока не исполнится ему семь лет. А дальше...

- А что дальше?

- А дальше я совсем ничего не вижу, - снова соврала Галина Сергеевна, но Маша не стала ее уговаривать: ей не очень-то хотелось слушать продолжение.

- Что, на дне этой дурацкой чашки написано, что я буду плохой матерью? - ехидно спросила она.

- Да, - ответила хозяйка. - Так написано. Так тому и быть.

Галина Сергеевна мало походила на оракула, и псевдопровидческий тон, который она взяла, Машу очень раздражал.

- Ну, это мы посмотрим, - сказала она зло, взяла из рук Галины Сергеевны чашку и сунула под струю воды.

- Ну и правильно. Не обращай на всю эту ерунду внимания. Ты бы погулять, что ли, сходила, Машенька, - сказала хозяйка уже совершенно нормальным тоном, - свежим воздухом подышать. Малышу-то полезно.

Галина Сергеевна промокнула взопревшую макушку салфеткой и водрузила парик на место.

- Ну да, схожу, - Маша медленно поплыла к выходу.

- Постой. А ты, может, знаешь что... отдай его мне, а? Я деток люблю.

- Что?! - изумилась Маша. - Кого отдать?

- Ну ребеночка твоего... я, конечно, имею в виду - на лето... - стушевалась Галина Сергеевна. - Я бы с ним нянчилась... я деточек... люблю...

Маша вышла из кухни, не дослушав. И подумала, что если хозяйка еще хоть раз вернется к этой теме... «отдай его мне»... нет, ну ничего себе!.. если еще хоть раз она услышит что-то подобное, ноги ее больше не будет в этом доме.

Но больше Галина Сергеевна ни о чем подобном не говорила. Да и вообще стала к Маше как-то заметно холодней и говорила с ней редко.

А вот сумасшедший дядя Леша приставал с разговорами по-прежнему. Дядя Леша был шизофреником, алкоголиком, убежденным христианином, патриотом, антисемитом и философом. Опасное сочетание. Когда с ним случалась белая горячка...

Кудэр открыл глаза, резко вскочил со скамейки.

- Не сейчас, - сказал сам себе вслух.

Воспоминания, спутавшиеся в скользкий живой клубок, крепко цеплялись друг за друга - попробуешь вытащить одно, а за ним уже тянется, извиваясь, второе, третье... И вот уже кажется, что этот клубок - просто один невероятно длинный червь чьей-то судьбы, чьей-то жизни - завязанный узлами, свернувшийся кольцами. Развязывать и разматывать его сейчас? Нет. Времени нет.

В семь уходил поезд Кельн - Москва. Нужно было идти на вокзал, снова искать подходящее лицо.

* * *

В семь уходил поезд Кельн - Москва...

На четвертый день Кудэр почти потерял надежду. От холодных сэндвичей, кока-колы и лошадиных порций аспирина сводило желудок. На вокзале было жарко. На вокзале было холодно. На вокзале было трудно дышать, трудно двигаться. Тупо, угрожающе ныла под намокшими бинтами рука. Он не разворачивал эти бинты уже второй день, чтобы не видеть того, что под ними - зеленоватых нарывов, на которые совершенно не действовал крем от ожогов.

Подходящего лица опять не было. Кудэр привычно отправился к зеркалу, заглянул в свои маленькие, болезненно поблескивающие глаза. Умылся холодной водой, потом этой же водой, из пригоршни, запил очередную таблетку аспирина.

Выйдя из уборной, он поплелся было обратно, к витринам с булками, бутербродами и гамбургерами – но на полпути остановился, увидев справа от себя вывеску Internet, которую раньше не замечал.

Интернет-кафе? Почему бы и нет. Проверить почту, получить письма из прошлой жизни. Несколько минут побыть собой.

Кудэр уселся за единственный свободный компьютер. Экран его мерцал так сильно, что сразу стали слезиться глаза. www, – он неуклюже ткнулся в клавиатуру толстыми смуглыми пальцами, – yandex.ru.

Логин: masha33@yandex.ru

Пароль: kunstkamera

Войти.

Неправильная пара логин-пароль! Авторизоваться не удалось. Попробуйте ввести логин и пароль еще раз.

masha33@yandex.ru. kunstkamera

Неправильная пара логин-пароль! Авторизоваться не удалось.

Забыли пароль?

Не забыл. Не забыла. Не забыли, нет. Просто... а на что он, собственно, рассчитывал?

Кудэр вытер здоровой рукой слезящиеся глаза. Закрыв yandex. На ядовито-зеленом, фосфоресцирующем рабочем столе обнаружилось еще одно маленькое окошко – с какой-то рекламой. Машинально Кудэр развернул его во весь экран:

www.zdvig.com, www.zdvig.de, www.zdvig.fr, www.zdvig.sz, www.zdvig.ru...

The most clickable site in the Web! Available in 33 languages!

Join us now – you still have a chance!

Он вытер рукавом потный лоб. Осторожно покосился на экран соседа справа: выпучив глаза и прикусив от напряжения язык, тот в экстазе молотил по клавишам. Кудэр прищурился, стараясь разглядеть «адрес» сайта: www.zdvig.de/forum.

Он кликнул левой кнопкой мыши в русскоязычную версию.

* * *

www.zdvig.ru

Хорошо, что вы заглянули на этот сайт. Хорошо – потому что теперь у вас есть шанс.

Шанс на спасение.

Вступление

Все материалы на нашем сайте посвящены одной теме – вернее, одному явлению. Его можно называть по-разному: Последняя Катастрофа, Конец Времен, Конец Света, Великое Перемещение, Сдвиг Полюсов... Какое бы название вы ни выбрали – суть останется неизменной. Апокалипсис. Именно о нем идет речь на нашем сайте.

Многолетние исследования и вычисления талантливейших ученых из Международной научно-исследовательской академии футурологии (МНАФ)

[[кликни здесь: подробнее о МНАФ](#)] не оставляют ни тени сомнения в том, что в самое ближайшее время планете Земля предстоит пережить Сдвиг Полюсов. Огромная планета – гигантское Второе Солнце – приближается к Земле. В ближайшее время эту планету уже можно будет различить на небе невооруженным взглядом.

Возможно, кому-то Второе Солнце покажется красивым. Возможно, оно действительно красиво. Но сейчас не время тешить свои эстетические наклонности. Не время для прекрасных порывов. Эта планета несет с собой смерть.

Второе Солнце глобально изменит земные магнитные поля, сместит с орбиты Луну. Все это приведет не только к Сдвигу Полюсов, но и к «сдвигу» в головах людей – ни для кого не секрет, что Луна непосредственно влияет на настроение и самочувствие человека – и начнется Третья Мировая Война.

Однажды, много тысячелетий назад, Сдвиг Полюсов уже произошел. Катастрофические последствия – Великий Потоп [[кликни здесь: подробнее о Великом Потопе](#)] – подробнейшим образом описаны как в Библии, так и в других священных книгах, например, в Коране. Когда эта страшная катастрофа произошла на нашей планете в прошлый раз, немногим удалось спастись [[кликни здесь: Ноев ковчег](#)].

Давайте будем мудрее на этот раз. Давайте подготовимся к катастрофе. Давайте спасемся. Не стоит унывать и отчаиваться. Кто-то, конечно, погибнет. Но всех остальных ждет Великое Перемещение, Счастливый Судный День и новый Золотой Век.

Глава 1

Возможно, кого-то не убедят научные изыскания ведущих ученых мира. Ваше недоверие можно понять. Но учтите, что ученые не одиноки в своих прогнозах.

Грядущие события предсказывал и Нострадамус [[кликни здесь: подробнее о Нострадамусе](#)] – а ведь до сих пор его предсказания сбывались все без исключения, случались разве что незначительные расхождения по срокам.

Приведем здесь отрывок из интересующего нас предсказания:

Великая империя вскоре будет перенесена В маленькое место, которое очень скоро увеличится, Место весьма ничтожного, незначительного графства, В середине которого Он водрузит свой скипетр.

Вы все еще сомневаетесь? Ученых и Нострадамуса вам не достаточно? Что ж. Имейте смелость. Посмотрите фактам в глаза: об этом не первый год твердят ясновидящие, посылают сигналы инопланетяне, предупреждают во время спиритических сеансов умершие...

Что нужно знать, чтобы спастись:

Доказано, что во время Сдвига Полюсов сильнее всего пострадают прибрежные районы, места горных разломов, те части суши, которые расположены недалеко от вулканов. Действующие это вулканы или потухшие – неважно. Во время Сдвига Полюсов активизируются абсолютно все вулканы.

Обреченные города

В результате Сдвига Полюсов произойдут страшные катаклизмы: наводнения, землетрясения, разломы земной коры, извержения вулканов, таяние ледников, сходы лавин, тайфуны, цунами. Хотите верить тем, кто утверждает, что все это – исключительно результат повышенной солнечной активности или результат техногенной деятельности человечества? Вперед! Вперед, к верной гибели.

Если же вы не наивный доверчивый профан – ознакомьтесь с нижеследующим списком.

Краткий список городов, которые будут полностью уничтожены в первый же день Сдвига (в алфавитном порядке):

Аддис-Абеба, Алжир, Афины, Багдад, Буэнос-Айрес, Вашингтон, Венеция, Глазго, Гонолулу, Дамаск, Детройт, Джакарта, Дублин, Иерусалим, Каир, Катманду, Куала-Лумпур, Ливерпуль, Лион, Лиссабон, Лондон, Мекка, Мельбурн, Мехико, Милан, Монреаль, Монтевидео, Найроби, Неаполь, Никосия, Новый Орлеан, Нью-

Йорк, Париж, Рейкьявик, Рига, Рим, Сидней, Токио, Филадельфия, Флоренция, Ханой, Хартум... [смотри подробнее: полный список обреченных городов]

Где будет Убежище

После Катастрофы низко расположенные участки земли будут, естественно, затоплены. Лучшим местом для жизни на Земле станет...

* * *

Кудэр раздраженно отвернулся от компьютера ...Вы все еще сомневаетесь?.. Ученых и Нострадамуса вам недостаточно?.. Если же вы не наивный доверчивый профан – ознакомьтесь с нижеследующим...

Обычный шизофренический бред. Такого мракобесия в сети предостаточно. Единственное – стиль какой-то уж больно знакомый. ...Не время тешить свои эстетические наклонности... Не время для прекрасных порывов... Кто же так говорит? Кто, кто так говорит? Или – пишет?

Кудэр снова уставился на экран. Пиксельная рябь, казалось, все усиливалась. Свихнувшиеся буквы, маленькие, черненькие, быстро-быстро дрыгали тонкими лапками, суетливо покидали свои гнезда-слова, бежали в разные стороны. Кудэр старался уследить за ними – от напряжения пот и слезы текли по его лицу, – но поймать взглядом расползающихся уродцев, вернуть их на место и понять их язык он больше не мог. Чертов монитор.

– Вайне нихт, майн фройнд, – подал вдруг голос сосед справа. – Эс ист нох нихт зо хоффнунгслос.

– I don't understand German. I am from Russia, – отмахнулся, не глядя на него, Кудэр.

– Рюсски?! – радостно взвизгнул сосед. – Тоже как автор этот портал – рюсски? Это надо гордиться. Он важный великий чьеловьек. Он помочь всем. А я сказать тьебье: нье плачь, друг. Всьо еще можно спасти... Ещью есть время...

Кудэр изумленно уставился на него.

– ...Очень рад встречать тебя, – продолжал стрекотать парень. – Мой отец родом из России, я очень люблю эту страну. Я как раз еду в Россию, практиковать язык, это первый, и, естественно, спасаться в убежище, это второе...

– А когда ты едешь? – спросил Кудэр.

– Сегодня, семь вечера. Это уже осталось три часа. Я выбираю поезд. Самолет не выбираю. Из-за Второго Солнца может прийти излучение, отключатся аппаратура самолета, боюсь авария. Мне уже пора, – немец встал, просеменил к хозяину интернет-кафе, расплатился. Потом надел на спину ярко-оранжевый рюкзак. – Еще хочется идти в кнайпе пить пиво до отъезда. До свидания. А ты не грусти, не плачь...

– Я не плачу, у меня просто глаза слезятся. Но все равно – спасибо, – ответил Кудэр и впервые за много дней улыбнулся.

У парня было то самое лицо. Черные курчавые волосы, смуглая кожа, маленькие, карие, близко посаженные глаза, резкие, неприятные черты. Лицо, которое Кудэр так долго искал, – похожее на его собственное. Тщедушное тельце, прилагавшееся к этому лицу, похожим на тело Кудэра не было. Но это как раз не имело значения.

– О, когда ты улыбаешься, очень, очень лучше, – сказал немец и каким-то совершенно бабьим жестом заправил за ухо прядь волос. А потом подмигнул.

«Педик, что ли? – подумал Кудэр. – Если педик, это даже лучше. Правда, вот паспорт у него немецкий...»

– Меня зовут Кудэр, – медленно и вяло, точно обращаясь к умственно отсталому, сказал он. – А тебя как зовут?

– Томас. А ты давно увлекаться этот портал? – немец подошел к Кудэру поближе, жеманно махнул рукой в сторону его монитора.

Руки у Томаса были маленькие, с тонкими, неприятно подвижными пальцами и подозрительно опрятными круглыми ноготками.

- Давно, - снова улыбнулся Кудэр.

Томас понимающе кивнул, опустил глаза и аккуратно, двумя пальцами, снял со своей брючины прилипший волосок.

- Я тоже еду на семичасовом поезде, - сказал Кудэр. - Если хочешь, мы можем пока выпить пива вместе.

- Это для меня удовольствие, - немец оскалил в улыбке маленькие хомячьи зубки.

VIII. Путешествие

Когда немец был уже достаточно пьян, Кудэр спросил его:

- Как будет по-немецки «больной»?

- Кранк, - доверчиво хрюкнул Томас.

- А как будет по-немецки «влюбленный»?

- Ферлибт, - Томас облизнул сухие губы острым розовым кончиком языка.

- А «слепой»?

- Блинд.

- Глухонемой?

- Таубштумм. Но зачем тебе такие слова?

- Ни за чем. Просто интересно. Как сказать - «интересно»?

- Интересант...

- Слушай, а как пишется слово «глухонемой»? Ты можешь его для меня написать
- ну хоть на салфетке?

- Зачем салфетка? - Томас пьяно хихикнул. - Я имею блокнот.

Он вынул из рюкзака маленький блокнот с каким-то мускулистым негром на обложке. Вырвал небесно-голубого цвета страничку. Потом порылся в рюкзаке еще и извлек оттуда футляр с паркеровской ручкой.

- Это подарок от мой друг. - Он помахал ручкой в воздухе. - Что ты просишь писать, я нъемного забыл?

- Напиши: «Извините, я глухонемой». И еще напиши: «Я еду в Москву навестить друзей».

- Хорошо. Ты меня удивить, но я написать для тебя, - Томас стал выводить на голубой бумажке слова крупными детскими буквами. - Только я за это просить кое-что.

Он аккуратно просунул голубой листочек с каракулями в горячую руку Кудэра. Потом нерешительно накрыл ее своей прохладной ухоженной лапкой.

- Что ты хочешь попросить? - Кудэр не отдернул руку.

- Мы допить пиво и вместе идти в тойлет на банхоф... то есть как это... вокзал, о'кей?

- Конечно. С удовольствием.

* * *

- Да, да, да, да, йа, йа, йа, йа, - сосредоточенно пыхтя, бормотал Томас.

- Тише. Да тише ты... услышат, - раздраженно шепнул Кудэр.

Они стояли в кабинке туалета на Кельнском вокзале. Немец, со спущенными штанами - прижавшись лицом к двери, Кудэр - позади него. Здоровой, правой рукой он гладил тощие томасовы ляжки.

- Возьми меня, майн ферлибт! - громко пискнул немец.

В соседней кабинке раздраженно спустили воду.

- Ну возьми-и-и, - канючил Томас.

Кудэр почувствовал подступающую к горлу тошноту.

- О, ты есть такой горячий, - ворковал немец. - Это ты так хочешь меня, да?

- Это у меня температура под сорок, идиот, - еле слышно, сквозь зубы прошептал Кудэр.

- Я не совсем слышать тебя, любимый.

- Да, это я так хочешь, - сказал Кудэр громче. - Только подожди минутку. Мне надо сначала кое-что сделать.

Кудэр снял руку с ягодицы Томаса, уселся на унитаз и стал разматывать бинт.

- Ты хочешь показать мне свою рану? - немец почему-то очень обрадовался. - А где ты ранить себя, я забывать спросить? Где... Майн гот! Шайсэ! Что это? У тебя совсем больной рука! Тебе срочно нужно идти больница! Это очень опасно тебе! Это есть очень серьезный...

- Хорошо, хорошо, я пойду в больницу, - прошептал Кудэр. - Но сначала - мы ведь сделаем то, что собирались?

Он снова поднялся, прижался к Томасу, положил здоровую руку ему на живот.

– О'кей, – размяк Томас – о'кей, о'кей, о'кей... Но потом ты сразу идти больница, нье поезд. И я хотъеть идти с тобой. Я хотъеть сдать билъет... Я хотъеть...

Кудэр прижался к Томасу еще теснее, с омерзением погладил его волосатую грудь, тонкую цыплячью шею с сильно выдающимся острым кадыком. Провел пальцами по губам – немец блаженно чавкнул, – ласково обхватил синий, плохо выбритый подбородок – чуть снизу, чуть слева...

Больной, левой рукой он погладил Томаса по голове. Жесткие черные волосы немца отточенными лезвиями царапнули воспаленную кожу. Кудэр глубоко вдохнул и полностью погрузил руку туда, в колючие, острые завитки. Застонал от боли. Немец отзывчиво застонал в ответ. Кудэр взъерошил ему волосы на затылке, завел руку правее.

Нож лежал у него в кармане – уже четвертый день, – но сейчас Кудэр не собирался его вынимать. Его руки – большие, смуглые, грязные руки – очень хорошо знали, что делать. Возможно, они уже делали что-то такое однажды. Или дважды, трижды, кто знает... Его чужое, больное, потное тело – оно просто помнило, как убивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Что будете заказывать? (фр.)

2

Простите, я не говорю по-французски... Я бы хотела заказать картофель фри... (фр.)

3

Горячий бутерброд «Бонжур, мсье», свежавыжатый апельсиновый сок и чай с лимоном (англ.).

4

Очень сожалею, но кухня закрывается после восьми вечера, сейчас вы можете заказать только напитки (англ.).

5

Простите... Я не понимаю. Я хотела бы съесть бутерброд. Это возможно? (англ.)

6

Сожалею, но нам нечего вам предложить этим вечером (фр.).

7

Иди отсюда (фр.).

8

Катись отсюда. Проваливай (фр.).

9

Вы действительно неважно выглядите (англ.).

10

Кажется, я заболел (англ.).

11

Может, позвать врача? (англ.)

12

Нет. Нет, пожалуйста (нем.).

Купити: <https://tellnovel.com/anna-starobinec/ubezhische-3-9>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)